

ЭЛИЗАБЕТ КЭШ

*В ней скрывалась сила, с чем
следовало считаться...*

ПРЕКРАСНАЯ

Агония

Монте:

Моя жизнь всегда была самой обычной.

Учеба, футбол, "Нетфликс", сон.

Ничего необычного. Ничего особенного.

Пока не появилась она.

Одна ночь веселья превратилась в три дня ада!

Три дня боли.

Три дня хаоса.

Три дня прекрасной Агонии.

Агония:

Она моя вторая половинка, в буквальном смысле.

Иногда мое единственное утешение.

Я думала, что смогу жить нормальной жизнью, несмотря на то, что она всегда будет рядом.

Пока не появился он.

Одна ночь веселья для меня, обернулась тремя днями тошнотворного удовольствия для нее.

Три дня боли.

Три дня хаоса.

Три дня жестокой Агонии.

Разум — Прекрасная Вещь,

но есть опасность растратить его впустую.

Предупреждение

Эта книга содержит сцены, которое некоторые читатели могут найти неподходящим. Пожалуйста, читайте с осторожностью.

Элизабет Кэш

Прекрасная Агония

Жанр: Темный роман

Возрастное ограничение: 18+

Перевод: MonaBurumba

Редактура: MonaBurumba

Русификация обложки: little.Jerry

Пролог

Монте

Бежать или драться.

Реакция вашего тела на любую хреновую ситуацию, в которой вы можете оказаться. Вам требуется всего лишь доля секунды, чтобы решить убежать, спасая свою жизнь, или превратиться в дикаря и драться изо всех сил, что у вас есть.

Но знает ли ваше тело, когда остановиться? Перестать бояться того, от чего бежишь, или перестать бороться с тем, что угрожает вашей жизни? Сколько времени пройдет, прежде чем разум разрешит вашему телу просто смириться с судьбой и принять все, что ему предстоит?

Похоже, в моем теле нет выключателя. Оно не знает, когда остановиться.

Я был заперт в ее комнате уже три дня, и каждый раз, когда я слышу ее шаги по коридору, адреналин зашкаливает, и мое тело готовится вынести то, что она запланировала для меня на этот раз.

Несмотря на то, что она просто смотрит на меня прямо сейчас, все мои чувства находятся в состоянии повышенной готовности. Я чувствую, как мое сердце бешено колотится в груди. Она смотрит на меня с тем же пустым выражением, что и в нашу первую встречу. Она выглядела такой красивой и невинной.

Я ничего не мог с собой поделать. Какая-то часть меня пыталась понять, о чем она думает в этот момент. Что-то подтолкнуло подойти к ней и познакомиться.

Если бы я знал, что разговор с ней приведет меня сюда, в данный момент, я бы бежал, не оглядываясь. Моя жизнь не оказалось бы в таком затруднительном положении, как сейчас.

Если бы я знал, что, приблизившись, окажусь в ее постели, связанный и на грани смерти, я бы даже не подумал о ней. Я бы думал мозгами, а не членом.

Вместо этого я проигнорировал все предупреждающие знаки, которые подавал мне мой мозг, потому что мысль о том, чтобы оказаться по самые яйца в этой цыпочке, заставляла меня сидеть прямо перед ней, используя все свое очарование, что у меня было.

Но даже после всего дерьма, через которое она заставила меня пройти за последние три дня, что-то во мне все еще находит ее красивой и невинной, несмотря на то, что она — чертова психопатка. Что-то во мне все еще хочет помочь ей стать целой. Но сейчас я не могу думать о ней. Я должен найти какой-то способ удержать то небольшое, что у меня есть, чтобы выбраться отсюда живым.

Когда смотрю на нее, я вижу, как слезы текут по ее лицу, и мое сердце подпрыгивает от радости и печали. Я могу использовать этот момент ее слабости и постараться убедить отпустить меня. Как только эта мысль приходит мне в голову, она подходит к кровати и садится.

Поворачивается ко мне и вздыхает.

— Мне очень жаль, Монте. — Она поднимает руку и прижимает дуло пистолета к моему виску.

Все, что требуется вашему телу, — это доля секунды, чтобы решить, следует ли ему бежать или превратиться в гребаного дикаря.

Бежать или драться.

Глава 1

Монте

За три дня до...

Я не могу сосредоточиться.

Каждый раз, когда начинаю писать, кто-то взрывается смехом или кричит. Из-за того, что кофейня маленькая, она становится очень шумной, полной галдящих голосов. Но это и неудивительно, она находится в кампусе колледжа. Закрыв ноутбук, вздыхаю.

— Твою же мать, — бормочу я себе под нос. Моя работа по экономике должна быть сдана через два дня, но все возможные отвлекающие факторы сработали, с успехом помешав мне выполнить работу. У моего соседа по комнате в общежитии всегда гостит какая-нибудь цыпочка, так что я совсем ничего не могу там делать, если только не хочу слушать фальшивые стоны или наблюдать как они беззаботно бродят, совершенно голыми по комнате. Уж лучше проводить время здесь, слушая, как люди кричат и смеются, чем лицезреть каких-то случайных девок с волосатой промежностью или прыщавой задницей.

Положив ноутбук в рюкзак, я встаю. Пробираюсь к очереди, которая сейчас окружает столики в центре кофейни. Достав телефон, проверяю, нет ли сообщений, но, как обычно, ничего. Даже уведомлений на «Фейсбуке» нет. Мне нужны новые друзья. Когда собираюсь положить телефон обратно в карман, кое кто-то перехватывает мой взгляд.

Она сидит, совсем одна, в самой дальней угловой кабинке, уставившись в пустоту. Выражение ее лица такое сложное, что я даже не могу его описать. Жутко, но так красиво. Интригующе. Глаза такие темные, что кажется, будто зрачок захватил и уничтожил весь цвет радужки. Бледная кожа и пухлые розовые губы. Я тихо стону при мысли о поцелуе с ней. Мне срочно нужно потрахать.

— Эй, не спи. Очередь движется, — говорит девушка позади меня. Вместо того чтобы шагнуть вперед, я выхожу из очереди и направляюсь к незнакомке.

Беру два черничных маффина, когда прохожу мимо них, и бросаю десятку на стойку барменше.

— Оставь сдачу себе, — говорю я через плечо, подмигивая. Она краснеет и поворачивается, чтобы положить деньги в кассу. Когда снова обращаю внимание на загадочную девушку, она смотрит прямо на меня. Ее взгляд парализует меня, и я замираю. Вблизи она еще красивее, чертовски захватывающий вид.

Я выдыхаю, хотя и не осознавал, что задерживаю дыхание, пока ее взгляд не переместился на окно. Качнув головой, заставляю себя продолжать путь. Добравшись наконец до столика, я сажусь напротив и кладу перед ней маффин. Она смотрит на него,

потом на меня.

— Ты что-то хотел? — спрашивает она. Ее голос звучит обманчиво невинно, от чего мой член начинает жить своей жизнью. Я мысленно пинаю себя за то, что думаю исключительно о сексе, потому что это совсем на меня не похоже. Секунду я пристально смотрю на нее, изучая каждый дюйм ее лица. — Алло? Чем могу помочь? — повторяет она.

— Прости. — Я смеюсь, стараясь не выглядеть совсем уж извращенцем. — Мне показалось, тебе не помешал бы друг.

— С чего ты взял, что мне нужен друг? — говорит она, скорее защищаясь.

— Ты просто выглядела одинокой, сидя здесь одна. И, может быть, даже немного голодной. Надеюсь, ты не возражаешь, но я принес тебе маффин. — Я улыбаюсь и указываю на кекс, который поставил перед ней. — Ну еще, я подумал, что ты выглядишь абсолютно потрясающе в этом освещении, льющемся из окна. Позволь представиться. Меня зовут Монте.

Она отодвигает маффин в сторону и наклоняется. Смотрит на меня своими пустыми глазами и улыбается.

— Ну, Монте. Очень мило с твоей стороны подумать обо мне и принести кексы. Хотя, как по мне, очень глупо флиртовать с девушкой за стойкой прежде, чем ты подошел поболтать со мной. Однако, хочу заметить, что я не одинока и была бы крайне признательна, если бы ты убрался от меня подальше. — Она откидывается на спинку сиденья и снова смотрит в окно.

Ангел с грязным ртом, славно!

— Упс! Дерзкая и красивая, — восхищаюсь я, очаровывая ее своим желанием остаться. И это работает. Она краснеет, и легкая улыбка появляется на ее губах. Незнакомка меняется прямо на глазах. Ее лицо больше не выглядит встревоженным, и глаза на самом деле имеют цвет. Насыщенно синий как океан, такой глубокий, что кажется, будто в нем можно утонуть. Ее длинные черные волосы идеально подчеркивают круглое лицо.

— Прости. У меня просто был плохой день. Не хотела вымещать свое раздражение на тебе, — Она улыбается и протягивает руку. — Меня зовут Агония. Агония Миллер.

— Приятно познакомиться, Агония. Очень необычное имя для такой хорошенькой девушки. В него вложен какой-то смысл? — Я спрашиваю, потому что мне очень любопытно, почему кто-то назвал своего ребенка чем-то таким болезненным и печальным.

И точно так же ее непринужденность сменяется темнотой, которая исчезла мгновение назад. Всё в Агонии говорит об опасности, и каждая клеточка моего существа кричит мне бежать, но я не могу найти в себе силы встать и уйти.

Ее голос прерывает мою внутреннюю борьбу.

— Не знаю. Наверное, меня назвали так необычно, чтобы я выделялась. — Она смотрит на меня из-под салфетки, которую разрывала, ее глаза сверлят меня. — Я выделяюсь для тебя, Монте?

Я кивнул.

— Да.

— Хорошо. — Она смахивает разорванную салфетку и комкает ее. — Расскажи мне о себе, Монте. Ты кажешься мне человеком, с которым я могла бы подружиться.

— Что ты хочешь знать? — спрашиваю я.

— Какой курс посещаешь? — отвечает она.

— Я специализируюсь на социологии. У меня осталось около года, если все пойдет хорошо, и я сдам сессию в следующем месяце. А как насчет тебя, твоя специализация?

— Английская литература. Довольно увлекательно, хотя большинство людей находят ее скучной. — Она смеется, и это прекрасный звук. — Итак, Монте, откуда ты? Я слышу легкий акцент.

Я тоже смеюсь.

— Родился в Ирландии, но мы переехали сюда, когда мне было семь. Удивлен, что ты его уловила. Не очень многие люди могут обнаружить.

— Ну, я уверена, что не очень многие обращают внимание, когда ты говоришь. Просто твое красивое лицо отвлекает. — Агония улыбается, берет маффин и снимает обертку.

— Итак, скажите мне, Мистер Ирландия, чем вы занимаетесь в свободное время? Какие-нибудь увлечения или странные вещи, о которых я должна знать, прежде чем рискну продолжить эту дружбу? — Она отщипывает кусочек кекса и кладет его в рот. Прожевав, глотает и облизывает губы. Когда она проводит языком по губам, я замечаю что-то серебряное.

Кольцо на языке.

Господи Иисусе!

Я ерзаю на своем месте, потому что теперь в моей голове возникают пошлые мысли. Что-то в этой девушке меняет меня, не знаю, нравится мне это или я просто так поглощен ее уникальностью.

Качаю головой, с трудом сосредотачиваясь на текущей теме.

— Ничего необычного. Играю в футбол, а если меня нет на поле, то выпиваю и смотрю дерьмовые фильмы по «Нетфликс», — Боже, как скучно это звучит, и качаю вновь головой. — Я имею в виду, что хожу гулять с друзьями, веселюсь и расслабляюсь. — Что за бред я несу. Эта безумно красивая и совсем ни на кого не похожая девушка, вероятно, думает, что я тупица, не способный связать и двух слов в жизни.

— Послушай, мне нужно идти на занятия. И я хотел бы компенсировать тебе эту странную встречу, потому что обычно не такой идиот. Есть ли шанс, что ты позволишь мне пригласить тебя куда-нибудь сегодня вечером?

Она снова расслабляется, превращаясь в более мягкую версию самой себя, и это невероятно интригует. То, как она может измениться в одно мгновение, безусловно, безупречно, без сильных эмоций между ними, просто удивительно. Она перекидывает волосы через плечо, привлекая внимание к тонкой лямке майки. Я ловлю себя на том, что позволяю своим глазам блуждать по ее коже. Татуировки расползаются по ее ключице и исчезают за плечом. Татуировки, пирсинг и странная личность. Всё, что меня никогда не интересовало, до сих пор.

— Я не против. Я редко выхожу на улицу. Заберешь нас в семь? — кокетливо говорит она.

— Нас? — удивляюсь я, потому что за все время, что здесь сижу, она не упомянула ни одного человека.

— Я имела в виду себя. Заедешь за мной в семь? Я буду дома к тому времени, и успею привести себя в порядок. — Она говорит, глядя вниз, смущенно. Черт возьми, она такая... интересная.

— Я буду там. — Агония хватает меня за руку и записывает на ладони свой адрес. Легонько дует на ладонь, чтобы высушить чернила, и, клянусь, я чуть не растаял.

С этим она выскользнула из кабинки и вышла из опустевшей кофейни. Я смотрю на руку, все еще чувствуя мягкое дуновение ее дыхания на своей коже.

Черт, это будет чертовски трудно. И я не о свидании.

Глава 2

Агония

Это странно.

Разговаривать с кем-то, оставаясь в состоянии держать ее на расстоянии, не полностью, но по крайней мере, она не ворвалась и не устроила сцену. У нее есть собственный разум, и она появляется без предупреждения, чтобы все испортить, оставив меня собирать осколки. Что-то в Монте сильно на меня повлияло, и я почувствовала себя спокойной, так что, возможно, и она тоже.

Выйдя из кофейни, я отправилась в секонд-хенд, чтобы выбрать себе наряд. Взволнованная тем, что у меня наконец-то будет свидание. Статус новичка в этом колледже имеет свои преимущества. Нас никто не знает, и я планирую, чтобы так оно и оставалось. Я жажду нормальной жизни, и готова, наконец, узнать, каково это.

Прогуливаясь по магазину, я замечаю небольшой отдел с надписью «Платья» и направляюсь к нему. Я никогда не носила платьев, но хочу, чтобы Монте растаял, когда увидит меня разодетой для него.

«Заставь его захотеть сорвать платье и трахнуть меня прямо в ресторане».

— Прекрати. Почему ты всегда думаешь о таком? Это неуместно, — шепчу я.

За моей спиной раздаётся хихиканье, и тут я замечаю, что на меня смотрят две женщины. Они одеты в одинаковые наряды, что выглядит очень по-дурацки. Над чем они смеются? Лучше бы не надо мной, потому что ей бы это не понравилось. Я снова перевожу взгляд на вешалку с одеждой и продолжаю просматривать небольшой выбор платьев.

«Пойди скажи им что-нибудь», — говорит она.

— Нет. Уходи. — парирую я.

«Они смеялись над нами. Отрасти уже гребаные яйца и скажи, чтобы она заткнула свой ловец спермы, или я это сделаю!»

Похлопывание по плечу привлекает мое внимание к одной из женщин, стоящей позади меня.

Нет, нет, нет.

— С тобой все хорошо? Ты разговаривала сама с собой все время, пока была здесь. — Блондинка громко смеется. Вторая девушка подходит к подруге и хихикает над ее вопросом.

— Пожалуйста, просто уходите. Она вас услышит, — говорю я, опустив голову.

— Слушай, потаскушка, не лезь не в свое дело, или я вырву тебе язык и заставлю твою гребаную подружку съесть его!

Глаза блондинки расширяются, а рот приоткрывается. Они обе выглядят испуганными, когда убегают от меня и выходят за дверь.

«Почему? Почему ты так чертовски жестока?» — Нет ответа. Ну конечно!

Стараясь забыть о случившемся, возвращаюсь к просмотру платьев. Отодвинув три в сторону, я нахожу идеальное.

Хватаю его с вешалки и иду к кассе, чтобы взять ключ от раздевалки. Оказавшись в крошечной комнате, я раздеваюсь и надеваю платье.

«Чертовски красиво», — говорит она.

— Прекрати. Мне не интересно твое мнение, — отвечаю я, надеясь, что она уйдет. И она это делает.

Платье потрясающее. Черные кружева обрамляют мои бедра, а тонкие бретельки покрывают татуированные плечи. Низкий вырез v-образной формы, выглядит соблазнительно, но скрывает все необходимое, подстегивая воображение гадать, что прячется под ним.

— Оно то самое, — шепчу я себе.

«Я же говорила».

Закатив глаза и игнорирую ее.

Снова переодевшись, я пристраиваю на дверь вешалку, на которой висело платье. Открываю рюкзак и засовываю платье внутрь. Поправляюсь и, прежде чем выйти из примерочной, бросаю взгляд на себя в зеркало. Я улыбаюсь. Довольная всеми изменениями, которые мы сделали до того, как переехали сюда. Я выгляжу так, как себя чувствую.

Как палитра различных цветов, создающих оптическую иллюзию. Никто никогда не узнает нас, какими мы были раньше, потому что я планирую держать эти скелеты глубоко внутри.

Расправляю майку спереди, чтобы разгладить складки, появившиеся, когда я надевала ее обратно. Удовлетворенная тем, что не выгляжу слишком виноватой, незаметно возвращаюсь к стойке с платьями и беру одно, чтобы отнести с собой на кассу.

— Мне не подошло, слишком тесное. Я просто повешу его обратно. Спасибо. — Я улыбаюсь кассирше и протягиваю ей ключ. Задвигаю платье на место и выхожу из магазина.

Пара пустяков.

«Знаешь, у тебя это получается все лучше», — говорит она.

— Разве я не велела тебе убираться? Была бы очень признательна, если бы ты оставила меня в покое до конца дня, — сердито заявляю я. Она никогда меня не слушает.

Я просто надеюсь, ради Монте, что она сделает это сегодня.

Глава 3

Монте

Мне пришлось просидеть в кафе минут десять, пока мой член не успокоился. Каждый раз, когда я думал об Агонии или о ее дыхании на моей ладони, он вставал по стойке «смирно», мешая мне идти на учебу.

Каким-то образом мне удалось высидеть два последних урока без стояка. Чертово чудо, если хотите знать мое мнение. Не знаю, что в Агонии меня так волнует, но мне это нравится. Совсем не то, что я чувствовал раньше. Все другие цыпочки, с которыми я встречался или трахался, никогда не заставляли меня так нервничать. Никогда еще я так легко не возбуждался и не становился твердым в считанные секунды.

Также быстро менялись ее глаза от темных глубин черного до бесконечных оттенков синего. Все в ней казалось необычным и завораживающим. И это так заводит. Даже ее имя звучит экзотично, и от одной мысли о ней член напрягается в джинсах, желая освободиться.

Мои мысли грубо прерывает Кевин, мой сосед по комнате, врывающийся во входную дверь. С еще одной телочкой. Она присосалась к его шее, как чертов вампир.

— Серьезно? — говорю я, указывая на них двоих.

Он улыбается:

— Да, серьезно. Почему бы тебе не найти себе кого-нибудь? Перестанешь быть таким

занудой.

Надеюсь, сегодня вечером у меня кое-кто появится.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, цыпочка, висящая у него на шее, тащит Кевина в его комнату, уже снимая с себя то небольшое, что на ней было. Мне нужен новый сосед.

Я ставлю пиво на стол и встаю, чтобы пойти в свою комнату. Стоит подготовиться к сегодняшнему вечеру. Волнуюсь из-за то, что ждет меня сегодня вечером, но взволнован приятно. Я не встречался ни с кем со времен Чарли, моей последней, наполовину приличной подружки. Я говорю наполовину приличной, потому что, по-видимому, она трахалась со своим профессором за моей спиной. Я не могу злиться, хотя с той репутацией, что у нее была, мне не стоило удивляться.

Не сегодня, Монте. Двигайся вперед.

Я достаю из шкафа сменную одежду и иду в душ. Как только оказываюсь там, мысль о полных розовых губах Агонии снова заполняет мой разум. Кремово-белая кожа. Длинные темные волосы. Черт! Я же встретил эту девушку всего несколько часов назад, а она уже полностью завладела моим сознанием. Она как наркотик. Одно маленькое попадание — и ты на крючке.

Быстро ополаскиваюсь и хватаю полотенце, чтобы вытереться. Если по какой-то случайности мне повезет с Агонией, у меня не должно быть никаких проблем с тем, чтобы заставить мой член сотрудничать.

Одевшись, брызгаю на себя одеколоном и дважды смотрюсь в зеркало. Я готов. Я надел свои обычные темно-синие джинсы и черную футболку. Просто, но сексуально. Потому что я сексуальный ублюдок!

Довольный своим внешним видом, иду в гостиную, чтобы взять ключи с кофейного столика. Мгновенно жалею о своем решении оставить свои вещи на столе, потому что два придурка, которые появились раньше, теперь трахаются на диване.

— Какого хрена, Кевин! У тебя есть своя комната, чувак! Пользуйся ей, черт возьми, — говорю я с отвращением. Маленькая Мисс Вампирша даже не прикрывается, а вместо этого поворачивается и улыбается мне. Правда, мне нужен новый сосед!

— О черт, чувак, я думал, ты уже ушел, — говорит Кевин, не сводя глаз с ее сисек.

Я качаю головой и вылетаю из квартиры. Думал, я единственный, кто подбирает таких цыпочек, но видимо, ему тоже нравятся подружки без комплексов.

Достаю из кармана бумажку с адресом Агонии и набираю его в GPS-приложении своего телефона. В кои-то веки я не ступил и записал ее адрес, прежде чем принять душ. Это единственное свидание, которое я не хотел пропустить. Я подключаю шнур к своему телефону, и голос Сири гремит в динамиках.

— Вы прибудете к месту назначения через пятнадцать минут.

Так близко? *Дерьмо.* Я должен быть благодарен, что это короткая поездка, потому что тогда у моего разума останется меньше времени блуждать по непрекращающейся стране неуместных мыслей, но недостаточно долгая, чтобы успокоить мои нервы.

На мгновение сжимаю руль и начинаю сомневаться. Я приписываю свою нервозность редким свиданиям, но в глубине души понимаю, это потому, что все в Агонии кричит об опасности. Но любопытство убило кошку давным-давно, и именно поэтому я сейчас еду к ней домой.

Как и сказала Сири, мне потребовалось пятнадцать минут, чтобы добраться до дома Агонии. Пятнадцать минут размышлений о том, что, черт возьми, я делаю. Пятнадцать

минут образ Агонии не покидает мой разум. Пятнадцать долгих минут я решал, стоит ли мне пытаться очаровать ее и затащить в постель.

Прерывисто вздохнув, выхожу из машины. За все годы, что здесь живу, я ни разу не видел этого дома. Он похож на маленькую хижину, окруженную кустами и теми странными деревьями, которые висят повсюду. Название их вылетает у меня из головы, потому что оно занято грязными образами того, что рот Агонии может сделать сегодня вечером. Дом производит жутковатое впечатление, но он прекрасен.

Прямо как Агония.

— Господи, возьми себя в руки! — говорю себе. Черт, если я не успокоюсь, это будет очень долгая ночь!

Пройдя по короткой дорожке к парадной двери Агонии, я дважды стучу. Слышу разговор внутри, но только один голос. Ее голос. Похоже, она нервничает.

Значит, нас таких двое.

После минутного шарканья слышу, как щелкнул замок входной двери, и медленно со скрипом она открывается. Зрелище передо мной — это чистая гребаная красота!

О мой бог, это будет чертовски крутое свидание!

Глава 4

Агония

Двадцать минут.

Мне потребовалось двадцать минут, чтобы уговорить ее убраться, чтобы я могла подготовиться к свиданию с Монте. Я спорила с ней всю дорогу домой из магазина. Она сказала, что очень рада, что я наконец-то послушалась ее и пошла на свидание. Но я-то знаю ее намерения.

Умаслить меня, чтобы она могла напасть неожиданно как стервятник, а затем смягчить удар, заставив меня чувствовать себя особенной, ее своеобразная попытка облегчить мне жизнь, пока я разгребаю дерьмо, сотворенное ею.

Но не сегодня. *Я ей не позволю.*

Как только она ушла, я смогла немного покопаться в своей шкатулке с драгоценностями и найти идеальные аксессуары к платью, которое я забрала. Хочу чувствовать себя элегантной, но сексуальной. Дерзкой. Поэтому остановила свой выбор на красном жемчуге и красных блестящих серьгах. Красное и черное, элегантно и вызывающе.

После секунд-хенда я заскочила в какой-то захудалый обувной магазин и нашла идеальную пару красных туфель на шпильках в тон моим украшениям.

Разложив все на кровати, быстро принимаю душ и освежаюсь. Я стащила очень хорошо пахнущий гель для душа у девчонки из моего класса английского. Она пригласила меня на обед несколько дней назад, и я просто случайно наткнулся на некоторые вещи, которые, как подумала, будут хорошо смотреться в моей ванной. И, вот они здесь.

После душа я вытираюсь и заворачиваюсь в полотенце. Не желая пока одеваться и все испортить. Хватаю фен и начинаю сушить волосы.

Поскольку я собираюсь быть элегантной, но дерзкой, решила завить волосы и заколоть их сбоку, в стиле девушки пин-ап. Всегда говорила, что родилась не в ту эпоху, потому что все, что связано с двадцатыми — пятидесятыми годами, чертовски очаровывает меня. Хотела бы выглядеть как девушка того времени и сегодня вечером я ей буду. Чертовски элегантной и смелой!

«Накрасься. Сделай стрелки подводкой для глаз и намажь эти красивые губы красным. Он поведется на это дерьмо».

Я закатываю глаза:

— Нет, хочу быть естественной. Я чувствую себя красивее, когда у меня на лице нет всей этой боевой раскраски. Она заставляет меня потеть и чувствовать себя дешевкой! — сердито говорю я, злясь, что она решила вернуться после нашего разговора.

Прежде чем успеваю осознать, что происходит, ее рука обхватывает мою шею и сжимает. Блокирует поступление кислорода в легкие. Она на минуту задерживает там руку и наклоняется, так что мы оказываемся нос к носу.

«Делай, что я тебе говорю, Агония. Ты знаешь, какие будут последствия, если ты этого не сделаешь!»

Она отпускает свою мертвую хватку на моем горле и исчезает, когда я падаю на пол. Я втягиваю как можно больше воздуха, пытаюсь вернуть в легкие жизнь.

— Ненавижу, когда ты так груба со мной, — шепчу я, надеясь, что она меня слышит.

Встав с пола, восстанавливаю самообладание, и вытираю слезы со щек. Ахаю, когда вижу свое отражение.

— Ах ты сука! Ты оставила следы на моей шее. Как, черт возьми, ты думаешь, я их спрячу?! — Кричу я. Но, как обычно, тишина. Она уже высказалась.

Гребаная идиотка!

Достаю из-под раковины старую косметичку и принимаюсь за лицо. Я подкрашиваю глаза и крашу губы, как она сказала. Изо всех сил стараюсь скрыть следы на шее, и, к счастью, мне это удается.

До этого она только дважды дотрагивалась до меня. Первый раз, когда я впервые встретила ее. Мы играли в моей комнате, и у меня была игрушка, которую она хотела, но я не дала ей ее, и она разозлилась. Она взяла одну из маминых бритв и прижала ее к моему запястью. Она сказала мне, что она главная и мне больше никогда не стоит с ней спорить.

Второй раз — как раз перед тем, как мы переехали сюда. Я познакомилась с очень милым парнем и планировала пойти с ним на свидание. Он ей не понравился, и она сказала, что он слишком слаб для нас. Что у него нет характера. Но я пошла против ее воли и все равно отправилась с ним. Излишне говорить, что та ночь закончилась тем, что он оказался в больнице, а я — с синяком под глазом и сломанным пальцем.

Стук в дверь возвращает меня к реальности, и я внезапно испытываю смешанные эмоции. Возбуждение, нервозность, тревога и страх. Знаю, что не должна бояться, но она способна на то, на что большинство людей себе даже не представляют, и всё может измениться в мгновение ока!

«Поторопись, пока он не ушел. И не испорти всё. Мне действительно нравится этот парень», — говорит она.

— Это ты их отпугиваешь. А теперь исчезни. Это мое свидание, а не твое, — заявляю я.

Монте снова стучит, и я пересекаю гостиную. Хватаю ключи с кофейного столика и сумочку с дивана. Делаю глубокий вдох, чтобы расслабиться, и на выдохе открываю дверь.

Вздых, сорвавшийся с его губ, едва слышен, но все-таки долетает до моих ушей. Этот простой звук, этот легкий порыв воздуха, заставляет мои колени ослабеть и подтверждает, что я правильно выбрала наряд. Сейчас я чувствую себя гораздо увереннее, чем когда-либо.

— Ух ты, Агония. Ты выглядишь... Э-э, ты выглядишь великолепно! — говорит Монте.

Я улыбаюсь:

— Спасибо. Ты и сам неплохо выглядишь, — игриво отвечаю я. Он смеется и протягивает руку, чтобы взять мою.

— Ты готова, красавица? — спрашивает он.

Я киваю:

— Да!

Мы более чем готовы.

Глава 5

Монте

Когда Агония открыла дверь, из моих легких словно высосали весь воздух. Я мог бы поклясться, что мое сердце на секунду остановилось. Она выглядела сногшибательно, от нее просто захватывало дух. Короткое, но не обтягивающее платье позволяло разглядеть татуировку на ее бедре. V-образный вырез опустился так низко, что я подумал, что ее сиськи будут выскакивать при каждом вдохе. И я ждал, с нетерпением, когда это случится.

Ее некогда мягкие розовые губы теперь стали темно-красными и невероятно горячими. Все в ней один сплошной секс, и я не преувеличиваю. Могу сказать, что она приложила много усилий, чтобы одеться для нашего свидания. Я не мог не оценить этого. Приятно видеть, что кто-то нашел время приодеться для меня. Все остальные девушки, с которыми я встречался, были одеты либо слишком просто, либо как будто они собирались схватить шест для стриптиза и начать танцевать для любого, кто пожелает. Про Агонию можно было сказать и то, и другое, но при этом она выглядела в своем наряде стильно и роскошно — вот как сказал бы мой отец.

Он каждый день делал комплименты моей матери. Одевалась ли она для него или ходила в спортивных штанах с растрепанными волосами. «Всегда заставляй свою женщину чувствовать себя красивой, потому что никогда не знаешь, какой у нее день». Это был его совет мне, когда я рос. И я это делаю. Я заставляю каждую девушку, с которой я когда-либо был, чувствовать себя красивой, сексуальной или очаровательной. Все, что они хотели, все, что заставляло их чувствовать себя особенными, я давал им! Но это, пожалуй, единственное хорошее, что я вообще взял от своего отца.

Агония, впрочем, транслировала образ «Я знаю, что красивая, мне не нужно говорить об этом». И мне это нравилось. Она излучала уверенность, и это так возбуждало. Достоинство, с которым она себя вела, прямой взгляд, если только ее глаза не захватывала темная, бездушная пустота.

Я открываю перед ней дверцу машины, как джентльмен, и жду, пока она без особых усилий скользнет на пассажирское сиденье. Как только сажусь на водительское сиденье, поворачиваюсь к ней, позволяя своим глазам впиться в нее.

— Ты действительно сегодня прекрасно выглядишь. — Я поднимаю руку, чтобы погладить ее по щеке. — Спасибо, что согласилась пойти со мной.

Она улыбается, но не той мягкой улыбкой, что раньше. Берет меня за руку и крепко сжимает.

— Не за что.

Вытаскиваю руку из ее хватки и сгибаю пальцы. Совсем не удивлен, что она такая сильная. Наверное, я заставил ее чувствовать себя неловко. Прочищаю горло и завожу машину.

— Я очень рада нашему свиданию, — кокетливо говорит Агония. И точно так же она

преображается снова. Мне будет трудно следить за тем, как меняется ее настроение. Могу предположить сложности с этим в скором будущем.

— Я тоже, — соглашаюсь с ней. — Надеюсь, тебе понравится ресторан, который я выбрал для нас. Он не так далеко отсюда, — пытаюсь сменить тему и поднять настроение. Я заказал нам столик в маленьком итальянском ресторанчике. Это потребовало некоторого флирта с моей стороны, но я смог забронировать одну из кабинок, которая находится в задней части, вдали от шума и суеты главного этажа.

Всю дорогу туда Агония молчала. Она просто смотрела в окно, погруженная в свои мысли, как и в кофейне. Я хотел спросить ее, о чем она думает, но, посмотрев на отражение ее лица в зеркале со стороны пассажира, решил не делать этого, потому что она не выглядела готовой к разговору.

Когда мы прибываем в «Ла Италияно», нас встречает молодая девушка, которая сразу же проводит нас в заднюю часть ресторана. Кабинка маленькая и уютная. Освещение тусклое, и на столе стоит букет, освещенный светом свечей. Здесь тихо, так что можно услышать мягкий гул музыки, судя по звукам, я бы предположил, акустическую гитару. Романтично. Я жестом приглашаю Агонию сесть первой, так как в кабинке круглое сиденье.

Девушка вручает нам меню и говорит, что официант скоро подойдет. Я уже знаю, что выберу, поэтому решаю вместо этого посмотреть на Агонию. Она изучает меню, бездумно покусывая нижнюю губу. Я тихо стону, потому что этот маленький жест чертовски сексуален.

Я хочу прикусить эту губу. *Помимо всего прочего.*

— Ну что скажешь? — спрашиваю я ее.

Она оглядывается:

— Мне нравится. Очень... романтично. *Buona scelta*¹.

— Ты знаешь итальянский? — спрашиваю я, пораженный ее произношением. Эти слова были произнесены безупречно.

— Знаю. Мой отец был итальянцем, а мать — ирландкой. Отсюда бледная кожа на заднице и темные волосы на голове. — Она смеется. Такой красивый звук. — Как насчет тебя? Твои родители — ирландцы?

Я качаю головой:

— Нет, мой отец был американцем, а мать — ирландкой. Они познакомились, когда он служил. Обрюхатил ее там, и мы переехали сюда, когда мне было семь, чтобы она могла официально быть с ним.

Мои родители словно из старомодной любовной истории. Любовь с первого взгляда такая вот ерунда. Буквально. Мой отец все время говорил мне, как он всегда знал, что моя мама для него единственная. Он сказал, что будет любить ее вечно и станет ее защитником. Каким-то защитником он был. Как защитить кого-то от самого себя?

Входит официант, вырывая меня из моих воспоминаний. Он ставит на стол два стакана воды, и мы делаем заказ. Как только он уходит, заговаривает Агония.

— Действительно милая история. Хотя мне любопытно, почему она так долго не переезжала сюда.

— Они никогда не рассказывали мне об этой части. Просто милое, голубиное дерьмо, — я смеюсь, избегая темных и кровавых подробностей о моих родителях. Не отвожу взгляда с Агонии, когда она подносит соломинку к губам и делает глоток. Это то, что люди делают каждый день, но смотреть, как она это делает, так чертовски соблазнительно.

Не спрашивайте меня, почему я нахожу сосание соломинки сексуальным, но это так. Черт возьми, я считаю это сексуальным!

— У тебя есть братья или сестры? — спрашивает она, ставя стакан обратно на стол.

— Нет, только я. А у тебя?

— У меня была сестра, но... — Она замолкает на полуслове. Все ее тело напрягается, и она закрывает глаза.

— Эй, ты в порядке? — осторожно спрашиваю я.

Когда она открывает глаза, мне приходится отодвинуться от нее. Она снова смотрит на меня своими темными глазами, как будто собирается перепрыгнуть через стол и съесть меня живьем.

— Простишь нас? — произносит она хриплым голосом, совсем не таким, как несколько секунд назад. Агония выскользнула из кабинки и направилась в туалетную комнату.

Простить вас?

Глава 6

Агония

Сосчитать до десяти.

Обычно я могу заставить ее уйти, досчитав до десяти. Все шло так хорошо. Пока Монте не спросил меня о братьях и сестрах. Она терпеть не может, когда я говорю о своей семье. Она говорит, что они похоронены в нашем прошлом не просто так, и именно там они и останутся. Забытые также, как они оставили нас. В одиночестве, как часто бывали и мы.

Я вздыхаю.

— Он задал простой вопрос. Ты не должна всегда так защищаться!

«Это не имеет значения. Чем меньше людей знают о нашем прошлом, тем лучше».

— Ты такая эгоистка! — заявляю я, расстроенная тем, что она никогда не хочет делиться никакой информацией о нас. Даже простые вещи выводят ее из себя, и я ненавижу это. Я ее ненавижу! — Сейчас я могу вернуться? Я почти уверена, что теперь он считает меня чокнутой.

Тишина. *Чертова сука.*

Я намочила бумажное полотенце и осторожно вытерла им шею и плечи, избегая лица, чтобы не испортить макияж.

Когда возвращаюсь в нашу уединенную кабинку, еда уже расставлена, и пахнет потрясающе.

— Я искренне сожалею об этом, Монте. Семья — довольно щекотливая тема для меня, — присаживаюсь на свое место за столом. Ее это раздражает, но я держу мысли при себе. — Еда пахнет потрясающе!

— Да, — нервно отвечает он.

Вижу, что он напряжен, возможно, даже напуган. Она такая страшная. Я ненавижу, что наш момент веселья был украден и разбит ее грубостью. Я хочу вернуть ту беззаботную атмосферу, которая царила здесь минуту назад. Поэтому делаю то, что сделала бы она.

— Итак, Монте, что ты собираешься делать со мной после ужина?

Он давится водой и хватается салфетку, прикрывая рот, чтобы вода не стекала по подбородку. У него очень четкий, резкий подбородок.

— Прости, что? — удивленно говорит он.

— Ты слышал. Что ты собираешься делать со мной после ужина? Конечно, мы

встретились не просто для ужина. — Я придвигаюсь к нему чуть ближе. Кладу руку ему на бедро и начинаю вырисовывать пальцем маленькие круги.

— Я... э-э... Я не... — Он тяжело вздыхает, когда я поднимаю руку еще выше. Прежде чем я успеваю передвинуть ее еще дальше, он хватает меня за руку. Посмотрев в его полные вожделения глаза, я тут же жалею, что позволила ее способам взять верх над моими суждениями. Но что сделано, то сделано. Я пытаюсь отодвинуться, но он притягивает меня к себе.

— Я собираюсь показать тебе, каково это, когда тобой восхищаются, как прекрасной гребаной богиней, которой ты являешься, Агония.

Мое дыхание прерывается, и я чувствую, что она готова помешать мне. Могу сказать, что она злится на выражение подобной симпатии, которую он проявляет ко мне, но так или иначе, я заставляю ее уйти и упиваюсь этой новой эйфорией. Монте заставлял меня чувствовать то, что я никогда не чувствовала раньше, по крайней мере, сама. Я поднимаю руку и глажу его по щеке.

Это то, что кажется правильным.

— Отвези меня домой, Монте, — шепчу я, уже не голодная, но жаждущая чего-то более чувственного.

— С удовольствием!

Он хватает меня за руку и помогает подняться. Хватает бумажник и оставляет столларовую купюру возле наших все еще полных тарелок. Мы выбегаем из переполненного ресторана и направляемся к его машине. Прежде чем он успевает открыть мою дверь, я толкаю его к ней и целую. Монте требуется мгновение, чтобы понять, что происходит, но как только до него доходит, он открывает мне.

Подняв руку, он хватает меня за волосы, другая рука оказывается на моей пояснице, притягивая ближе к себе, если это вообще возможно. Проводит языком по моей нижней губе, прося разрешения, и я позволяю.

От прикосновения его языка по телу пробегает дрожь. Такое ощущение, что внутри меня взрываются тысячи фейерверков, разбудив все мои чувства. Его рука больше не в моих волосах, а блуждает по спине, медленно спускаясь вниз, пока не достигает подола моего платья.

— Ты хоть представляешь, что делаешь со мной, Агония? — говорит он, задыхаясь между поцелуями.

Я слегка отстраняюсь от него и смотрю вниз.

— У меня есть кое-какие мысли.

Он смеется:

— Давай поедem к тебе домой, чтобы закончить начатое без свидетелей.

Мои глаза расширяются, и я оборачиваюсь. Я забыла, что мы все еще на стоянке. Слышу, как открывается пассажирская дверь, и забираюсь в машину, смущенная тем, что люди смотрят на нас, но донельзя возбужденная мыслью о том, что все видят, как я целуюсь с Монте.

Монте садится на водительское сиденье и заводит машину.

— Ты готова, красавица?

Я наклоняюсь и целую его:

— Ты даже не представляешь как!

Это то, что кажется правильным.

Глава 7

Монте

Я не рассчитывал так быстро вытащить Агонию из ресторана. Я вовсе не собирался затащить ее в постель до ужина, но как только она подошла ко мне, все пошло прахом! С тех пор мой член стал твердым, и этот поцелуй, поцелуй сводящий меня с ума, сделал все намного сложнее!

Все пятнадцать минут поездки до ее дома я водил рукой по ее бедру, медленно поднимаясь и дразня ее нежную кожу. Единственным звуком в моей машине были ее тихие вздохи каждый раз, когда моя рука приближалась к ее лону.

Еще до того, как моя машина полностью остановилась, Агония выскочила из пассажирской двери и побежала вокруг машины ко мне. Никогда не встречал кого-то настолько нетерпеливого, но сейчас мне было все равно. Сейчас я тоже сгорал от желания.

Агония тащит меня по короткой дорожке к двери и пытается открыть ее дрожащими руками. Она, кажется, нервничает, но я ничего не говорю. Не желая портить настроение. Открыв дверь, она сразу же сжимает в кулаке мою рубашку и тянет меня внутрь.

Какой бы сексуальной мне ни казалась ее напористость, я решаю взять инициативу на себя. Развернув, я толкаю ее к двери. Приподнимаю пальцем ее подбородок и целую в губы. Вместо того чтобы отдаться страсти, как мы делали в ресторане, я целую ее медленно. Наслаждаясь вкусом ее губ, запахом ее кожи.

Я позволил своим рукам блуждать по ее восхитительному телу и упиваться звуком ее стонов. Агония поднимает руки и вцепляется в мои волосы, углубляя поцелуй.

Сейчас самое время проявить решительность!

Я хватаю ее за ноги, закидываю их себе на талию и кружу. Ни разу не прервав наш поцелуй. Подойдя к дивану, осторожно укладываю ее. Она отстраняется, пытаясь отдышаться. Но я не даю ей времени прийти в себя. Начинаю медленно покрывать ее шею мягкими, соблазнительными поцелуями. Порой покусывая и облизывая ее кожу, заставляя Агонию извиваться подо мной.

— Монте, — шепчет она. Ее голос полон похоти, и это звук чистого экстаза.

— Ты самая уникальная девушка, которую я когда-либо встречал, Агония. Мне так не терпится исследовать каждую твою частичку, изнутри и снаружи. Я не хочу, чтобы хоть что-то осталось нетронутым.

Она перестает двигаться подо мной и отстраняется, закрывая глаза. Я медленно отступаю назад, боясь того, что сейчас произойдет. Потому что в последний раз, когда она сделала так, у меня было полное ощущение, что она готова меня сожрать.

Агония встает с дивана и подходит ко мне. Ее полуприкрытые глаза сверлили меня, пока она медленно расстегивала молнию на спине своего платья. Взяв бретельки в руки, она осторожно снимает их с плеч и позволяет платью спадать вниз по ее длинным шелковистым ногам.

— Твою мать. — Мои глаза блуждают по ее обнаженному телу. Замечая каждый провал, изгиб и расщелину, каждую татуировку и пирсинг. Ее молочно-белая кожа безупречна в своей красоте.

— Ты хочешь прикоснуться ко мне, Монте?

Я киваю, не в силах произнести ни слова.

— Тогда трогай меня! — Агония хватается за мою руку и кладет ее на свой живот.

Я с трудом отнимаю пальцы от живота и скольжу ими везде, где могут дотронуться ее красивого тело, не отрывая глаз, слежу за своей рукой, пока оглаживаю ее бедра. Продвинувшись к ее заднице, тянуть Агонию ко себе, пока она не оседлала меня.

— Ты позволишь мне трахнуть тебя, Агония? — шепчу ей на ухо. — Ты позволишь доставить тебе удовольствие?

Агония откидывает голову назад и смотрит мне в глаза. Злая улыбка появляется на ее лице.

— Ах, Монте. Тсс, тсс. Нельзя так разговаривать с такой девушкой, как Агония. Не так ли?

Агония наклоняется и целует меня, потом откидывает голову назад и решительно ударяет ею. Снова и снова, пока тьма не поглощает меня и все вокруг исчезает.

Глава 8

Агония слаба.

Если бы не я, она никогда бы не зашла так далеко. Я дала ей опору. Сделала сильнее. Родители ненавидели ее, относились к ней как к дерьму. Заставляли чувствовать себя никчемной. Я оказалась там, чтобы собрать осколки, чтобы она снова почувствовала себя целой.

Я!

Когда я появилась, она расцвела!

Поэтому, вместо того чтобы позволить ей обижаться и плакать из-за того, что они ей сказали или сделали, я заставила ее сопротивляться. Если бы не я, Агония была бы уже мертва. Мой гнев заставил ее отца прекратить оскорблять ее и убраться подальше, как жалкий кусок дерьма, которым он был. Когда я проявила себя, ее мать перестала извергать ядовитые слова в адрес Агонии, потому что я заставляла Агонию сопротивляться чем-то более болезненным, чем слова.

Ее гребаным кулаком!

Я всегда была рядом. С самого ее рождения. Таилась в самых темных уголках ее сознания. Покрывалась пылью, ожидая своего шанса выйти поиграть. Я воспользовалась случаем в тот день, когда ее отец пришел домой напившимся и попытался прикоснуться к ней. Моей маленькой Агонии тогда было шесть.

Я не собиралась сидеть сложа руки и смотреть, как этот больной ублюдок лапает нас. Я не собиралась больше сидеть сложа руки и позволять ему портить ее чистоту.

Когда он вошел в комнату и начал ее трогать, я сломала ему несколько пальцев и предупредила, что если он еще хоть раз прикоснется к нам, я убью его! В устах шестилетнего ребенка это звучит не слишком устрашающе, но это произнесла я, а не Агония. Я делала Агонию пугающей, потому что все во мне было сильнее, заметнее. Дьявольская и могущественная.

На протяжении многих лет он беспокоил ее только тогда, когда требовал чего-то мелкого, например, убрать игрушки или убраться с дороги.

Единственная, к кому я испытывала хоть какое-то сочувствие, была сестра Агонии, Сьерра. У бедняжки не было ни единого шанса на спасение. Если бы у нее имелся кто-то вроде меня, ее отец никогда бы не поднял на нее руки. Он никогда бы не заставил ее испустить последний вздох. Сьерре было три года, когда он забил ее до смерти. Три, черт подери! Она рисовала вместе с нами, когда он пришел в ярость, и все потому, что она

использовала остатки туалетной бумаги.

Конечно, Агония свернулась калачиком в углу и со страхом наблюдала за тем, как все это происходит.

Тогда мне было трудно выйти. Для этого нужно что-то сводящее с ума. Но в тот момент Агония испугалась до смерти. Поэтому, я застряла и не могла помочь Сьерре.

Как только ее отец закончил, я приказала Агонии пойти проверить сестру. К сожалению, она не дышала, когда мы добрались до нее. Ее сложно было узнать. Это зрелище стало душераздирающим даже для меня! Но я чувствовала, как ярость нарастает в Агонии. И это было прекрасно!

Вот тогда-то я и вышла!

Мы поцеловали Сьерру в лоб и направились в гостиную, где он сидел так, словно в комнате его дочери ничего не произошло. Как будто он только что не убил собственного ребенка.

— Какого хрена тебе надо, маленькая засранка? — Он сплюнул в мою сторону, когда я встала перед ним.

— Хочу, чтобы ты умолял меня о пощаде!

Я схватила его за волосы, швырнула на пол и ударила ногой прямо в висок. Снова и снова, пока он, наконец, не перестал двигаться. Вот тогда-то я и пробралась в гараж и схватила веревку и клейкую ленту.

Я заставлю его заплатить за каждый раз, когда он прикасался к Агонии и Сьерре, за каждый раз, когда он думал о том, чтобы прикоснуться к ним. За каждый гребаный раз, когда он делал вдох в их сторону! Он не отвертится от расплаты.

К тому времени, как вернулась в гостиную, я находилась в такой ярости. Это было волшебно. То, что я могла бы заставить нас чувствовать. Блаженство и эйфория.

Я взяла руки и ноги ее отца и связала их вместе. Затем перевернула его на спину и заклеила рот скотчем. Как бы сильно ни хотела услышать его крики, упиваясь звуком его страха и боли, это могло вернуть Агонию, а я не хотела, чтобы это произошло. Мне нужно было закончить с ним.

Я должна спасти ее! Отомстить за нее!

Как только прислонила к дивану, я растолкала его.

— Привет. Эй! Очнись!

Он начал шевелиться, а когда наконец открыл глаза и понял, что происходит, попытался отползти от меня.

— Нет, нет, нет. Ты никуда не пойдешь, — объявила я, возвращая его обратно. — Послушай, думаю, что в этой жизни ты сделал достаточно плохого, чтобы хватило на десять жизней. Но поскольку я здесь только благодаря Агонии, я заставлю тебя заплатить за то дерьмо, что ты вытворял с ней.

Он смотрел на меня глазами полными страха, и мне пришлось отвести взгляд. Я не позволю ей вернуться, пока все не закончится.

Я пошла на кухню и схватила ножницы и самый острый нож, который смогла найти. Возвратившись к куче дерьма передо мной, наклонилась и проговорила:

— Ладно, Чарльз, ты готов повеселиться? Потому что я да!

Взяла ножницы и начала разрезать его брюки. Он извивается, заставляя меня царапать его ноги всякий раз, когда я раздвигала ножницы, чтобы резать.

— Если ты будешь сидеть спокойно, это будет не так больно! — Я лгу.

Он просто рыдал, с заклеенным ртом. Хорошо! Ублюдок должен бояться!

Я встала и, схватив его за лодыжки, потянула вниз, пока он не оказался на спине. Взяла ножницы и срезала с него трусы.

Если он и не знал, что его ждет, то теперь понял! От приглушенных криков и воплей у меня закружилась голова.

Бедный маленький Чарльз попытался перевернуться, но я поставила ногу ему на живот и надавила. Качая головой, проговорила:

— Нет, нет, Чарльз. Ты должен заплатить за свои грехи! Ты поступил с нами неправильно. Ты только что УБИЛ СЪЕРРУ, и устроился на диване как будто ничего не произошло! Теперь твоя очередь почувствовать то, что мы испытали за десять лет на этой земле!

Он начинает дрожать, когда я беру и кладу нож к основанию его члена.

— Это будет больно, очень больно!

Тремя движениями ножа легко отрезаю его член. Его приглушенные крики боли раздражали мое чувство радости. Я срываю скотч с его рта и хватаю за лицо.

— Заткнись, — говорю сквозь стиснутые зубы. Поднимаю его отрезанный член, чтобы он мог его видеть, и он давится. — Ты больше никогда никого этим не тронешь! — С силой открываю ему рот и толкаю его член в горло, пока он больше не может вдохнуть жизнь в свои легкие. Откинувшись на спинку стула, я смотрела, как он пытается дышать, истекая кровью.

Это было так прекрасно.

Когда мать Агонии вернулась домой, начался настоящий ад. Я спряталась, чтобы невинная Агония могла очаровать копов. Конечно, я подсказала ей, что нужно сказать, потому что она не помнила ничего, что произошло после того, как он избил ее сестру. Я сказала ей, чтобы она сказала им, что он убил Съерру, а потом пришел за ней, поэтому она защищалась.

Нас отправили на экспертизу, потому что копы сказали, что то, что случилось с Чарльзом, было не просто самозащитой, а пыткой.

Психолог, с которым мы встречались, заявил, что у Агонии биполярное и диссоциативное расстройства личности. Можете в это поверить? Они сказали, что она психически больна. Мы, душевнобольные!

Гребаные придурки!

К сожалению, мне пришлось прятаться, пока Агонии не исполнилось восемнадцать. Во всяком случае, по большей части. Разговаривать с ней, я могла только когда мы оставались одни. Держала рот на замке, когда врачи задавали дурацкие вопросы или, когда другие психи говорили ей что-то, что мне не нравилось. Нас отпустили, когда нам исполнилось восемнадцать.

К счастью, мы получили известие, что ее мать, Клэр, скончалась от почечной недостаточности. Мне не нужно было возвращаться и заканчивать то, что я начала. Мы могли исчезнуть и начать все сначала. Именно это мы и сделали.

Мы уехали и переезжали из штата в штат, пока не добрались сюда. Агония уговорила меня отпустить ее в колледж, чтобы у нее была нормальная жизнь. Что бы это ни значило. Наша жизнь нормальна. Нормально для нас, и это все. Пока у меня есть Агония, мы будем в порядке. Я могу защитить нас, уберечь.

Она моя. И я никому не позволю отнять ее у меня!

Глава 9

Агония

— Что ты сделала? Какого хрена ты натворила? — кричу я, снимая одеяло с дивана и прижимая его к лицу Монте. Не знаю точно, куда давить, потому что кровь везде.

— Отвечай, черт возьми! — Я кричу, боль пронзает мою голову, но я игнорирую ее. Пытаюсь ухаживать за Монте.

«Мне не понравилось, как он прикасался к нам!»

— Ты что, издеваешься? Не то чтобы я этого не хотела! — бегу на кухню, хватаю полотенце и мочу его. Затем хватаю из-под раковины аптечку. Я совсем не хотела, чтобы случилось что-то подобное. Слезы текут по моему лицу, и я не могу дышать. Соскальзываю вниз, на пол, держась за грудь. Как я собираюсь это исправить?

«Вставай и перестань быть маленькой сучкой. Ты видела и похуже».

— Нет, ТЫ видела и похуже! Только не я! — кричу в ответ.

Встаю с пола и откидываю волосы с лица. Когда опускаю руки, чтобы схватить полотенце и аптечку, вижу, что мои руки покрыты кровью. Я вытираю лицо тыльной стороной ладони и, конечно же, кровь... на моем лице! Не знаю, моя она или Монте, но меня тошнит от вида крови.

Я склоняюсь над раковиной.

У меня болит все тело. Все болит. Всякий раз, когда она вот так овладевает моим телом, жестокая боль от перемены всегда вызывает у меня тошноту. Но добавьте еще вид крови, и готово, я не могу сдержать то, что находится в моем желудке.

Как только мой желудок успокаивается, я умываюсь и возвращаюсь в гостиную, чтобы заняться Монте. Понятия не имею, что собираюсь делать. Не могу позволить ему уйти, потому что он вызовет полицию, но и держать его здесь я тоже не могу. Может быть, попробовать просто сбежать. Переехать в другой город. Или штат. Или гребаную страну!

Слезы снова начинают течь, когда я вижу обмякшее тело Монте на диване. Как же я ненавижу ее! Она все портит.

«Приведи его в порядок и оттащи в спальню».

— Что? Нет! Я собираюсь привести его в порядок, а потом мы уйдем, — отвечаю ей.

«Нет, ты отволочешь его в спальню, пока я не решу, что с ним делать».

— Да пошла ты! — кричу и мгновенно жалею об этом, когда она дает мне пощечину, заставляя меня отшатнуться.

«Делай то, что я тебе говорю, Агония, не заставляй меня делать всё самой. Ты страдаешь больше, когда я полностью выхожу. Я ничего не чувствую».

— Пошла. Ты! — шепчу я.

Она качает головой:

«Как хочешь».

Все в жизни было бы намного проще, если бы Агония просто слушала меня. Я ненавижу быть такой грубой с ней, но иногда это необходимо. Прежде чем прикоснуться к ублюдку на диване, я вытираюсь и переодеваюсь в спортивные штаны и майку. Собираю волосы в пучок и решаю, что могу заварить себе чаю, прежде чем начну.

Думаю, что ударила его достаточно сильно, чтобы он оставался без сознания, пока не

закончу, хотя я не должна слишком долго тянуть, потому что Агония хорошо справляется со мной, когда хочет.

Я ставлю чайник и иду к дивану.

Глядя на него сейчас, я чувствую себя немного виноватой за то, что испортила его лицо. Монте очень симпатичный парень. Сплошные мускулы и шелковистая кожа. Чистая красота и сексуальность. Теперь понимаю, почему он понравился Агонии. Мысленно делаю себе пометку похвалить ее позже, когда она решит вернуться.

Подойдя, хватаю Монте за руку, легко перекидываю его через плечо и несу в нашу комнату. Я плюхаю его на кровать и смотрю, как его окровавленное лицо падает на бок.

— Тебе должно быть стыдно, стоило подождать прежде чем задать такой отвратительный вопрос, я не люблю, когда с нами так разговаривают. — Чем больше смотрю на него, тем больше злюсь. Прежде чем успеваю связать его, чайник закипает. — Никуда не уходи, — бросаю я через плечо, собираясь снять чайник с плиты.

Агония — само совершенство, невинное, незапятнанное. Девственница. Не в буквальном смысле, ее уже трахали раньше. Когда я давала добро, но Монте захотел взять его без моего разрешения. Конечно, он понятия не имеет о моем существовании. Но, тем не менее, я не могла позволить, чтобы все зашло слишком далеко. Я не могла позволить ему использовать ее.

Она моя.

Я завариваю чай и потягиваю его по пути в холл. Наслаждаюсь мятно-лимонной смесью. Вернувшись в комнату, я ставлю чашку и принимаюсь за работу. Мне не нужно, чтобы он очнулся или она вернулась, чтобы вмешаться.

Я подтягиваю его к изголовью кровати и привязываю его руки к деревянным столбам, а затем делаю тоже самое с ногами. Я дважды проверяю узлы и дергаю их, убеждаясь, что он не сможет освободиться.

Закончив, я стою в ногах кровати и люблюсь своей работой.

— Очень хорошо, — хвалю я себя.

Я немного съезживаюсь, двигая шеей из стороны в сторону.

— Ну, Монте. Она возвращается. Не делай глупостей.

Глава 10

Монте

Когда мне было восемь, у меня была двухъярусная кровать, с которой я спрыгивал и притворялся, что летаю, как супергерой. Однажды я прыгнул слишком далеко и ударился головой о комод. Боль оказалась такой мучительной, что я потерял сознание. Когда пришел в себя, то лежал в больнице с двадцатью тремя швами.

Та боль, однако, была ничто по сравнению с тем, когда Агония приложила меня своей головой. Я предпочел бы пережить тот вечер сто раз, чем чувствовать боль, которую испытывал после ударов Агонии. Как будто она разбила мне лицо кирпичом. Я был рад, что потерял сознание.

Не знаю, что на нее нашло. Как будто что-то в ней переключилось, и она разозлилась, когда я прикасался к ней. Ее лицо, ее голос, прямо перед тем, как она ударила меня головой, изменились. Она изменилась.

Я лежу здесь уже долго, пытаюсь освободить руки, чтобы сбежать. Я не знаю, что, черт возьми, происходит. Но я определенно уверен, что не хочу быть запертым здесь с ней. Я

даже не знаю, как она затащила меня в свою постель.

Черт, а что, если с ней кто-то есть? Вот, дерьмо! Я должен выбраться отсюда. Я продолжаю бороться с веревкой на запястье.

Как только чувствую, что моя рука вот-вот освободится, я слышу шаги в коридоре. Останавливаюсь и готовлюсь. Не знаю, Агония ли это, или кто-то другой. Но я придумаю как драться, пусть даже со связанными руками.

Дверь со скрипом открывается, и я вижу, как в комнату медленно входит Агония. Когда она оборачивается, в руках у нее аптечные пакеты.

Мое сердце начинает бешено колотиться, и я чувствую прилив адреналина.

Агония подходит ко мне и садится на кровать, ставя пакеты на пол. Я стараюсь отодвинуться так далеко, как только могу. Она ничего не говорит, не прикасается ко мне. Она даже не смотрит на меня. Сразу же могу сказать, что это не тот человек, который покалечил мне лицо, потому что ее тело напряжено, как будто она напугана. Но я молчу. Эта девка абсолютно чокнутая, и я не собираюсь рисковать.

Черт возьми, как же у меня раскалывается голова!

— У меня есть морфий и бинты для твоего лица, — шепчет она, пока роется в пакетах. — Он снимет боль, пока я буду зашивать твое лицо.

— Не смей, мать твою, прикасаться ко мне, — говорю я, стараясь казаться храбрым, но мой дрожащий голос выдает меня.

Агония закрывает лицо руками и вздыхает:

— Послушай, я знаю, что извинения не исправят того, что случилось, но прости. Это была не я. Она... Ей не нравится, когда я позволяю людям прикасаться ко мне без ее разрешения.

— Ты сошла с ума. Ты чертова сумасшедшая, и ты должна отпустить меня.

— Я не могу. Нет, пока она не поймет, что хочет сделать. — Агония встает и идет в ванную, судя по звуку льющейся воды. Она возвращается с полотенцами и синей косметичкой и снова садится рядом со мной.

— Пожалуйста, позволь мне защитить тебя. У меня занятия через час, и я не хочу беспокоиться о тебе, пока меня не будет. Пожалуйста, — умоляет Агония.

— Да пошла ты, психованная сука!

Агонии съёживается.

— Она тебя услышит. Пожалуйста, остановись. Мне больно, когда она выходит. И я больше не хочу, чтобы она причинила тебе боль.

— Остановлюсь, когда ты меня отпустишь. Пожалуйста, просто отпусти меня, — умоляю ее. Я знал, что она опасна, но теперь жалел, что не послушал тот тихий голосок в моей голове, который говорил мне бежать, когда впервые встретил Агонию.

— Прекрасно. — Агония встает с кровати и выходит из комнаты. Я снова начинаю дергать за веревки, надеясь освободиться до того, как она вернется. Чем больше тяну, тем туже натягивается веревка. Пытаюсь мягко пошевелить запястьем, чтобы посмотреть, ослабит ли это его, но мне не везет. Я тяну все сильнее и сильнее, пока моя кожа не начинает болеть от ожога веревкой.

— Черт, черт, ЧЕРТ! — кричу я и тут же жалею об этом. Шум и давление от того, что я тяну за веревку, заставляют мою голову разрываться от дикой боли. Я практически вижу звезды! Мне нужно выбраться отсюда. Дверь открывается, входит Агония и снова садится рядом со мной.

— Я не собираюсь отпускать тебя, но тебе нужно хотя бы обработать лицо. Если ты не хочешь, чтобы я прикасалась к тебе, прекрасно. — Агония тянется к моей руке, но останавливается. — Она вернется и сделает тебе больно. — Слышу, как она напугана, но, если она собирается развязать мне руку, я использую это против нее.

Как только моя рука свободна, я шевелю ею и сгибаю пальцы. Не знаю, как долго она была связана, но мне кажется, что теперь рука как желе, вся кровь, приливающая к ней, вызывает неприятное покалывание. Агония наклоняется и роется в пакете.

Теперь у меня есть шанс.

Медленно приближаюсь к ней, не позволяя ей увидеть меня. Я психую, пытаюсь набраться храбрости, чтобы ударить женщину. Медленно вдыхаю и закрываю глаза. Поднимаю руку, готовый нанести удар, и... колеблюсь.

Я не могу ударить женщину. Видел, как это делает мой отец, и знаю из первых рук, что может произойти. Я не могу ударить Агонию, хотя она держит меня в заложниках. Я просто не могу этого сделать.

— Вот. — Агония протягивает мне бинты и антибактериальный крем. — Будет больно прикасаться к лицу, если никак не обезболить. — Она замечает, как я отдергиваю руку, и на ее нежном лице появляется разочарование.

Я выхватываю вещи из ее рук и кладу их на кровать.

— Как ты себе представляешь, я буду делать это одной рукой?

— Ну, ты же не хочешь, чтобы я помогла, так что сам разбирайся. — Агония скрещивает руки на груди и ждет, когда я сделаю свой ход. Почему я все еще считаю ее красивой, несмотря на то, что она сумасшедшая, которая удерживает меня против моей воли?

Может быть, не только у нее есть проблемы.

Я пытаюсь открыть бинты одной рукой и терплю неудачу. Подношу упаковку ко рту и пытаюсь открыть ее таким образом, но тяну слишком сильно и разрываю. Это раздражает. Как люди с одной рукой делают это дерьмо ежедневно?

Сокрушенно вздыхаю.

— Мне нужна твоя помощь.

— Я не причиню тебе вреда. Во всяком случае, не так, как она, — говорит Агония. Она берет пакет, полный медицинских вещей, и достает новую пачку бинтов. — Хочешь морфий? Или предпочитаешь улыбаться и терпеть?

— Потерплю.

Она кивает. Открыв пакет с бинтами, кладет их на бедро и берет мазь. Кладет немного на палец и поворачивается ко мне.

— Готов?

— Да.

Как только ее палец касается моей головы, я кричу от боли. Не знаю, насколько это большая рана или насколько глубокая, но, черт возьми, это больно!

— Прикуси вот это, — Агония кладет мне в рот свернутое полотенце и продолжает. Мне требуются все силы, чтобы не упасть в обморок от боли. Даже прикосновение воздуха было мучительно болезненным. До того, как она прикоснулась к ране, было не так больно, но все нервные окончания ожили, когда крем попал на нее.

Но что меня действительно тревожило, так это то, что я чувствовал, и я не знаю, что было хуже. Боль от того, что она лечила мою рану, или легкая боль, которую я почувствовал, когда ее рука покинула мою кожу. Не поймите меня неправильно, в детстве я не был лишен

любви. Моя мать очень любила меня. Мне хотелось бы думать, что и отец тоже, но с ним было трудно сказать наверняка.

Но именно эта сторона Агонии возбуждает меня, притягивает к ней. Невинная сторона. Именно когда все в ней меняется, меня охватывает любопытство и ужас.

— Мне нужно идти на занятия. Но я вернусь через два часа. — Агония тянется к моей руке, но я отдергиваю ее. — Что? Неужели ты думал, что я оставлю тебя отвязанным? — Она улыбается. Она на самом деле улыбается мне. — Этого не случится. Дай мне свою руку.

— Просто отпусти меня. Пожалуйста, я ничего не скажу. — Я уговариваю, надеюсь, что мои мольбы задела ее за живое и она меня отпустит. Она смотрит на меня, и ее глаза мерцают. От синего к черному.

О боже, нет, нет, нет!

— Послушай, ты останешься здесь, пока я не решу, что с тобой делать. Если я тебя отпущу, ты сразу пойдешь в полицию. Я не допущу, чтобы вы нас прогнали! Я не позволю, чтобы нас снова отослали. А теперь дай мне свою гребаную руку, чтобы я могла связать тебя, и она сможет добраться до колледжа!

Какого черта?

Я смотрю на нее, не зная, отвечать или нет.

Агония тянется и дергает мою руку так сильно, что раздается треск. Я изо всех сил пытаюсь высвободиться, но она мертвой хваткой сжимает мою руку и в конце концов обвязывает ее веревкой.

— Будь хорошим мальчиком и сиди здесь, пока мы не вернемся. — Она наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб, но я отодвигаюсь.

— Господи, да ты совсем спятила, — говорю я.

— Ты просто не знаешь, когда надо заткнуться.

Агония протягивает руку, хватая меня за мизинец и сгибает его.

— Разве твоя мать не учила тебя не разговаривать с женщинами так непочтительно?

— Ты не женщина, ты чертов монстр, — парирую я.

Она ухмыляется и одним легким движением руки ломает мне мизинец. Боль пронзает мою руку и заставляет кружиться голову. Волна тошноты закручивается у меня в животе, и я вздрагиваю.

— Может быть, в следующий раз ты не будешь так разговаривать с нами, — Она сильно гладит меня по голове, прямо по повязке, вызывая новую волну боли, пронзающую меня.

Боже, просто убей меня!

Глава 11

Агония

— Агония.

Я поднимаю глаза от стола и вижу, что профессор сердито смотрит на меня.

— Агония, убери карандаш. — Смотрю на свой тест и понимаю, что не заполнила ни одного ответа. Кладу карандаш и собираю свои вещи. Я хватаю со стола бланк и протягиваю его профессору вместе со всеми остальными.

— Агония, ты не могла бы подождать минутку? — говорит профессор Энди. Я отодвигаюсь в сторону, чтобы пропустить остальных студентов, гадая, чего она хочет. У меня еще куча чертовых дел, которое необходимо закончить, например, выяснить, что я собираюсь делать с Монте.

Как только класс опустел, Энди жестом приглашает меня сесть.

— Я просто хотела похвалить тебя за эссе. Ты стала единственной, кто получил высший балл. И это не маленький подвиг. — Она протягивает мне мое эссе. — Я хотела спросить, не хочешь ли ты показать его декану и, возможно, выступить с небольшой речью на благотворительном мероприятии в эти выходные. Каждый год мы выбираем одного студента для выступления, и я выбрала тебя. Твоя работа безупречна, и я не сомневаюсь, что речь будет ей соответствовать.

— Вы хотите, чтобы я произнесла речь? На благотворительном вечере для женщин и детей, подвергшихся насилию? — Я смотрю на нее, как на сумасшедшую. — Она устроит сцену на таком мероприятии! Там же будут люди, нуждающиеся в поддержке и сочувствии. Нет, не могу.

— Прости, а кто она? — спрашивает Энди

— Я... э-э... могу я подумать об этом?

— Конечно. Мне просто нужно, чтобы ты... — Я встаю и выхожу из кабинета еще до того, как профессор заканчивает фразу. Она съест этих людей живьем. Любого, кто проявит слабость, она сожрет и заставит чувствовать себя еще хуже.

В последнем городе, где мы были, из-за нее нас выгнали из приюта, в котором мы остановились. Она сказала одной из других девушек, что та заслужила то, что получила, потому что не заступалась за себя. Кто заслуживает того, чтобы его оскорбляли? Но почему-то именно так она и считает.

Иногда я думаю, какой стала бы жизнь без нее в моей голове. Как изменилась бы моя жизнь, если бы я была нормальной. Потом я вспоминаю о том, сколько раз она спасала меня. Сколько раз ее гнев удерживал меня от серьезных опасных ситуаций. Если бы не она, я бы жила совсем другой жизнью, страдала бы от кошмаров после всех пыток и издевательств, которые мне пришлось пережить в детстве. Быть запертой на восемь лет в психушке — это, наверное, лучшее, что со мной случилось.

То, что она убила моего отца, было лучшим, что могло со мной случиться. Я просто жалела, что она не сделала это раньше, чем он... До того, как он сделал то, что сделал со Сьеррой.

Вытираю слезы, продолжая идти по тротуару. Я никогда не знала свою младшую сестру, не видела ее улыбки и не заставляла ее смеяться, когда она росла. Я так много пропустила из-за своего отца и из-за того, что она сделала с моим отцом.

— Я ненавижу тебя, — шепчу я.

«Ты любишь меня и знаешь это. Если бы не я, ты была бы мертва».

— Исчезни, как бы было здорово провести хоть один день без тебя, — я хватаюсь за лямки рюкзака и иду быстрее, надеясь, что смогу каким-то образом сбежать от нее.

«Знаешь, я тут подумала, может, нам стоит трахнуть Монте. Тебе нужно расслабиться».

— Тебе стоило подумать об этом, прежде чем жестоко напасть на него, а потом привязать к моей кровати!

«Ты все еще можешь соблазнить его. Я вижу, как он смотрит на тебя. Это было бы проще простого».

— Уходи, пока я не заставила тебя исчезнуть! — угрожаю я.

К счастью, она больше ничего не говорит по дороге домой. Столь необходимый перерыв.

О нет, я совсем забыла!

Она сломала ему палец! Черт, черт, черт! Теперь он определенно не позволит мне прикоснуться к нему! Оставшуюся часть пути домой я бегу, надеясь, что с Монте все в порядке. Я должна убедить его позволить вылечить его. По крайней мере, позволить мне дать ему что-нибудь от боли.

Когда возвращаюсь домой, там тихо. Я ожидала услышать шум от попытки побега или крики. Единственное, что я слышала, был звук моего собственного дыхания.

Я кладу рюкзак на диван и медленно иду по коридору в свою комнату. Не знаю, чего ожидать, когда войду туда. Медленно открываю дверь и заглядываю внутрь.

Монте спит. Я бы сказала, мирно, но он выглядит таким напряженным. А кто бы не был в такой ситуации? Если бы меня привязали к чьей-то кровати, я бы никогда не заснула. Я подхожу к тумбочке и выключаю лампу. Щелчок заставляет Монте пошевелиться, но, к счастью, он не просыпается. Как ненавистно видеть столько страха в его прекрасных глазах, когда он смотрит на меня.

На секунду я восхищаюсь им. Его идеально сложенные руки вытянуты. Футболка задрана, демонстрируя очень рельефный живот. Я провожу пальцами по краю его боксеров, мой палец танцует по его коже. В любой другой ситуации это было бы чертовски сексуально. Кого я обманываю, даже в этой ситуации он чертовски сексуален! Его некогда гладкое лицо теперь покрыто легкой щетиной. Интересно, каково это, когда его щетина щекочет внутреннюю поверхность бедер? Я вздыхаю. Мне бы очень хотелось, чтобы она просто держалась подальше. Я действительно хотела знать, каково это — чувствовать его внутри себя, выкрикивать его имя.

Я подхожу к комоду и беру сменную одежду. Мне нужен холодный душ. Разве это не то, что делают парни, чтобы успокоиться, холодный душ?

Молча иду в ванную и кладу телефон в док-станцию, чтобы послушать музыку. Я прокручиваю плейлист и ставлю «Будапешт» Джорджа Эзры. Включаю звук на полную мощность и забираюсь в душ.

Пока я напеваю в такт музыке, из спальни доносится грохот. Я выключаю воду и заворачиваюсь в полотенце. Когда я вошла в комнату, лампа лежала опрокинутой, и Монте уставился на меня полными страха глазами.

— Держись от меня подальше, — говорит он дрожащим голосом.

— Я не собираюсь прикасаться к тебе, — поднимаю разбитую лампу и смеюсь, — вот тебе и чтение на ночь.

Когда встаю, то замечаю, что его рука свободна. Когда это случилось? О боже, он мог вырваться.

— Как... Как ты освободился? — спрашиваю я, сжимая полотенце, заставляя ее держаться подальше.

— Так я тебе и сказал, — изрыгает он.

Ладно, я это заслужила. Я положила сломанную лампу обратно на тумбочку и обратилась к Монте.

— Пожалуйста, дай мне руку, чтобы я могла привязать ее обратно вверх. Если ты не позволишь мне сделать это, то она сделает, и ты уже знаешь, как она работает.

— Пошла ты. Я не позволю тебе прикасаться ко мне.

Я съеживаюсь, используя все свои силы, чтобы удержать ее на задворках сознания. Это нелегко и чертовски больно. Делаю медленные, глубокие вдохи и подхожу как можно ближе

к Монте, держась на расстоянии, чтобы он не мог до меня дотянуться.

— Пожалуйста, Монте. Я больше не хочу, чтобы она причинила тебе боль. Просто, пожалуйста, позволь мне снова связать тебя. — Умолять — это то, чего я никогда не делала, но я бы встала на колени, если бы это означало, что Монте выслушает меня.

— Ты сломала мне палец! И, черт возьми, разбила мне лицо! Почему ты думаешь, что я позволю тебе прикоснуться ко мне?

— Потому что, если ты позволишь мне это сделать, больше ничего не будет сломано или разбито, хорошо? — кричу я, раздраженная тем, что он меня не слушает. Настоящую меня! Не её!

Я не она! Я не она!

— Я НЕ ОНА! — кричу я. — О боже. Прости.

Монте растерянно смотрит на меня. Я отворачиваюсь от него и вытираю лицо полотенцем. Не хочу плакать перед ним, он уже знает, что я чертова психопатка. Я не хочу, чтобы он видел меня слабой.

Подхожу к нему и смотрю в глаза:

— Если ты сделаешь какую-нибудь глупость, я без колебаний выпущу ее. Я не настолько сильна, чтобы справиться с тобой, но она справится. И она не знает пощады!

Поворачиваюсь и иду обратно в ванную. Закрыв дверь, я падаю на колени. Боль, разливаясь по моему телу от того, что я удерживаю ее. Мне никогда не удавалось делать это так долго, потому что боль всегда была невыносимой, но сейчас выдержала. Я не хотела, чтобы она снова причинила ему боль. Я не могу позволить ей это. И сделаю все возможное, чтобы она не причинила ему вреда.

Я не она!

Глава 12

Монте

Вы хоть представляете, как трудно удержать свой член от того, чтобы он не стал твердым, когда этого не должно быть?

Это тяжело!

Когда Агония вернулась домой, я решил притвориться спящим, чтобы закончить освобождение. Я высвободил руку, когда услышал, как открылась входная дверь. Быстро сунул ее обратно в ослабевшую веревку и закрыл глаза. Но было намного труднее пытаться дышать ровно и спокойно.

Я не знал, кем она войдет в эту дверь, поэтому решил, что лучше всего притвориться спящим, чтобы не попасться.

Когда дверь спальни открылась, мне захотелось совсем перестать дышать. Страх охватил меня, как лесной пожар. Этот страх быстро сменился желанием, когда Агония коснулась меня. Я мог бы поклясться, что на мгновение действительно перестал дышать. Мне потребовалось все мое мужество, чтобы не дать маленькому Монте пробудиться к жизни.

Я почувствовал облегчение, когда она ушла в ванную, потому что, как только дверь закрылась и остался один, я перестал сдерживаться. Ее нежное прикосновение заставило меня взорваться, без всякого стыда!

Что, черт возьми, со мной не так?

Когда услышал, как заиграла музыка и потекла вода, я продолжил осуществлять свой

план побега. Снова вытащил руку из веревки и потянулся к пакету со всеми медицинскими принадлежностями, надеясь, обнаружить в нем морфий.

Как только моя рука оказалась на пакете, я схватил его так быстро, как только мог. Хотел, чтобы он оказался у меня до того, как она вернется.

Но, как гребаный идиот, я не заметил, что он лежит слишком близко к лампе, поэтому, как только сдернул пакет с тумбочки, следом с громким стуком на пол свалилась и лампа.

Когда она с грохотом упала, я успел засунуть пакет под подушку. Мое сердце заколотилось в груди, когда Агония вышла из ванной.

Но, черт возьми, она выглядела потрясающе. Ее длинные черные волосы насквозь промокли. Молочно-белая кожа блестела от капель воды, стекавших с ее волос.

Прекрати, маленький Монте.

Мне действительно стоило сосредоточиться на том, что она говорила, и не отвечать невпопад. Я не хотел показывать, что пытаюсь сбежать. Хотя моя свободная рука, вероятно, уже выдала меня.

Из транса меня вывел ее крик: «Я не она!» Боль на ее лице, когда эти слова сорвались с ее губ, была душераздирающей.

Когда она приблизилась ко мне, я увидел, что в ее глазах бушует война. Постоянное мерцание между черным и синим было настолько интенсивным, что мне захотелось протянуть руку и утешить ее. С ней действительно что-то не так. Не знаю, что именно, но по какой-то хреновой причине мне захотелось это выяснить.

Что меня совсем удивило, так это то, как она оставила меня лежать с рукой, все еще свободной от веревки.

Мне пришлось заставить себя отвести взгляд от двери ванной, как только она оказалась за ней. Я не знал, должен ли я продолжать то, что планировал, или лучше отступить, потому что угроза, которую она озвучила, заставляет меня колебаться, задаваясь вопросом, стоит ли рисковать. У меня уже разбито лицо и сломан мизинец этой девицей. Или другой. Или кто бы она там ни была!

Делаю очевидный выбор и продолжаю свое предприятие. Как только тяну руку, чтобы развязать другую, из ванной доносится громкий крик, сопровождаемый звуком бьющегося стекла.

Я смотрю на дверь, ожидая, кто же выйдет.

Дверь распаивается, и выходит Агония:

— Я приготовлю ужин! Надеюсь, ты чертовски голоден!

По ее рукам течет кровь. Я не знаю, что делать. Я имею в виду, что лучшее что я могу сделать это просто остаться лежать. Но все равно вскакиваю и, черт возьми, молюсь, чтобы этот прыжок не отправил меня в могилу.

— Агония? Ты в порядке? — спрашиваю я осторожно, потому что не понимаю с кем говорю. Как только она оборачивается, я жалею, что вообще открыл рот. Она цинично смеется.

Ох, черт возьми!

Агония подходит ко мне и обхватывает мое лицо руками:

— Я хорошо выгляжу, Монте? А? Я, твою мать, хорошо выгляжу?! — Ее голос спокоен, в отличие от войны, бушующей в ее глазах. Я просто смотрю на нее широко раскрытыми от страха глазами.

— Ты черт возьми, красивый мужик! Я понимаю, почему ты нравишься Агонии. —

Прежде чем успеваю остановить ее, она прижимает свои губы к моим. Я делаю все возможное, чтобы отстраниться, но она сжимает мое лицо своими окровавленными руками, чтобы удержать меня на месте. Хватает мой сломанный мизинец и сгибает его, заставляя меня кричать от боли.

— Мне нравится, когда ты кричишь. Это действительно меня возбуждает. — Она вытягивает мою губу в рот и прикусывает. Я чувствую, как кожа разрывается между ее зубами. Голова кружится от боли, и как раз в тот момент, когда я думаю, что она не может сделать хуже, она снова ударяет меня головой. В то же самое место.

Перед глазами все плывет из-за боли. Чувствую щелчок, мой безымянный палец. Я не могу дышать.

— Это слишком весело. Возможно, я никогда не отпущу тебя. Ты можешь стать моей личной маленькой игрушкой, — говорит Агония, отстраняясь.

— Ты чертова сука, — шепчу я, позволяя боли поглотить меня.

Я должен выбраться отсюда!

Глава 13

Глядя, как Монте корчится от моего гнева, я чувствовала себя так хорошо. Думала, что смотреть, как страдает отец Агонии, было волнующе. Однако, сегодняшнее зрелище было еще прекраснее! Наблюдая за его лицом, когда боль пронизывала его насквозь, я чертовски возбудилась!

Я хотела сорвать с него одежду и трахнуть прямо здесь, создавая новые красивые отметины на его драгоценной коже. Она такая нежная под моей силой. Но он отключился прежде, чем я смогла продолжить поцелуй.

Чертов ублюдок!

Поэтому, вместо того чтобы поймать его, я взяла дело в свои руки и закончила то, что начала. Агония никогда не коснется себя, в отличие от меня. Она говорит, что это не для нее, что мужчина должен заставить ее получить удовольствие. Очевидно, она хотела трахнуть себя раньше, когда ласкала пальцем Монте, пока он спал.

Ну что ж, если она не хочет развлекаться со своим телом, то это сделаю я!

Агония

Я просыпаюсь на диване, голова раскалывается, рука в штанах. Я вытаскиваю ее и съезживаюсь. Обе мои руки в крови и царапинах.

Какого хрена?!

Как только сажусь, воспоминания о том, что она сделала, возвращаются ко мне. Я бегу в свою комнату, больше не беспокоясь о своих руках.

Врываюсь в дверь и падаю на колени. Ошеломлённая, смотрю, как выглядит Монте. Его лицо покрыто кровью, на лице видны новые раны. На нижней губе отпечатались следы зубов. Глаза опухли и покрылись синяками.

Боже, что она с ним сделала?

Я медленно встаю и подхожу к нему, чтобы рассмотреть поближе, но мне приходится отвернуться, когда я вижу его руку, которая теперь снова связана.

Она сломала Монте еще один палец, и кость торчит наружу. Его рука совпадает цветом с лицом в синяках.

— Клянусь, я спасу тебя, Монте, — шепчу я.

Монте открывает глаза и слегка приподнимает голову. Увидев меня, он начинает

отчаянно трясти головой.

— Нет, пожалуйста, не надо! — умоляет он.

Слезы наполняют глаза, и гнев пронзает меня. Монте боится меня, и все из-за нее!

— О, Монте. Я... О Боже! Мне очень жаль. Мне очень, очень жаль. — Слезы текут теперь свободно, и я не собираюсь их останавливать. Она причинила ему боль из-за меня. Она причинила ему боль, потому что я не выпустила ее!

Она причинила ему боль, потому что она жестокая сука!

— Пожалуйста, оставь меня в покое. Я больше не могу терпеть. — Его голос срывается.

Я киваю.

— Пойду приготовлю завтрак. — Поворачиваюсь и ухожу. Я должна найти способ выкинуть ее из своей головы. Хотя я все перепробовала.

Терапия выводит ее из себя, она отпугивает всех психиатров, которые у меня были. Из-за нее меня тошнит от любых таблеток, выписанных по рецепту. Все время, пока меня не было, она выкидывала таблетки в унитаз или прятала их мне в рот, пока мы не возвращались в нашу комнату. Психологу, который был у меня, когда я находилась в лечебнице, она сказала, что отрежет ему член и засунет его ему в задницу, если он не заткнется. Она почти выполнила эту угрозу, пока он не накачал нас наркотиками.

Всякий раз, когда кто-нибудь из нас, сумасшедших, выходил из себя, персонал использовал какое-нибудь сильнодействующее лекарство, чтобы мгновенно вырубить. К счастью, мне пришлось прочувствовать это только дважды. Но смотреть, как кого-то другого накачивают наркотиком, страшно.

Твои глаза закатываются, а тело расслабляется. Выглядит так будто тебя убивают. К сожалению, этот наркотик уже убивал кого-то раньше. Они не рассчитали количество и случилась передозировка.

Она получила настоящий кайф от этого. Подпрыгивая, бедняга бился в конвульсиях с пеной у рта. Она рассказывала мне эту историю несколько раз, и каждый раз мне приходилось отгораживаться от нее, потому что это звучало ужасно. Она рассказывает эту историю с такой легкостью, словно делится подробностями семейного отдыха.

Я достаю яйца, сыр, картофель и ставлю их на стол. Вздыхаю, когда открываю морозилку и вижу, что у нас закончился бекон.

— Ну что, надеюсь, он любит простой омлет, — говорю я себе.

Мысленно делаю пометку сходить за продуктами попозже. Приготовив два омлета с сыром, посыпаю их солью и перцем, надеюсь, что он не обожжет ему губу. Наливаю два стакана молока. Я ставлю одну тарелку на предплечье, а другую держу рукой, как официант. Беру стаканы с молоком и иду в комнату. Надеюсь, часа ему хватило, чтобы не бояться меня так сильно. Открываю дверь и на секунду замираю.

— Гм, предложение мира. — Я поднимаю тарелки и стаканы как можно выше.

— Я не хочу твоей еды.

— Вполне справедливо. Может, по крайней мере, молока? Твой голос скрипучий и звучит так, будто ему не помешало бы что-нибудь жидкое.

Монте смотрит на молоко и кивает:

— Ладно.

Я ставлю тарелки на комод и беру один из стаканов. Сажусь рядом с ним на кровать, и он морщит лицо.

— Ох, прости.

Я подношу бокал к его губам, и он медленно делает глоток, затем снова кладет голову на подушку.

— Уверен, что не хочешь что-нибудь поесть? Ты ничего не ел с тех пор...

— С тех пор, как ты похитила меня?

— Я хотела сказать, с нашего свидания, но и там мы почти ничего не ели.

— Отпусти меня. Пожалуйста! Мне нужно к врачу. Пожалуйста!

— Не могу, — произношу шепотом. — Я не могу, потому что в ту же секунду она придет, и никто не знает, как далеко она пойдет.

Задыхаюсь от собственных слов. Знаю, как далеко она способна пойти. И я не хочу, чтобы это случилось с Монте. Нет, пока я не найду способ безопасно освободить его и, надеюсь, спасти себя в процессе!

Я найду способ спасти нас обоих. Если вообще возможно спастись от самой себя!

Глава 14

Монте

Когда мне было двенадцать, отца уволили из армии с позором. Его арестовали за то, что он ударил мою мать, и его командир узнал об этом. Мама попыталась успокоить его, сказав, что все не так плохо, как кажется, но командир знал, что произошло, и был сыт по горло отцовским дерьмом.

Мой отец после этого так и не нашел работу и просто использовал свои льготы, чтобы пропить свою жизнь. Когда я возвращался домой из школы, он уже был пьян и зол, ожидая, что какая-нибудь мелочь подожжет его и без того короткий фитиль, чтобы он мог взорваться.

Я спросил маму, почему он такой, и она ответила, что это потому, что он видел какие-то ужасные вещи и у него помутилось в голове. Она сказала, что от выпивки эти ужасные вещи на время исчезают, но от этого его настроение немного меняется.

Что, по-моему, было преуменьшением.

Это заставляет меня задуматься, видела ли Агония в своей жизни какие-то хреновые вещи, и именно поэтому она такая, какая есть. Или, может быть, с ней сделали что-то такое, что сделало ее такой. Такая хрупкая, яростная и непредсказуемая.

Она все время выглядит такой обиженной. Сломленной и забитой. Побежденной.

Агония сладка, когда есть только она. Она напоминает мне о конфетах. Кислое, потом сладкое. В ее случае сладкое, потом кислое, потом снова сладкое. Как вращающаяся дверь настроений. Интересно, может быть, дело не в самом ее уме, а в ситуациях, с которыми ей приходилось сталкиваться в жизни?

— Можно тебя кое о чем спросить? — я наблюдаю, как Агония убирает битое стекло в ванной.

— Конечно, — говорит Агония, выбрасывая последние осколки стекла в мусорное ведро.

— Что с тобой не так?

Она наклоняет голову:

— Гм, ничего? — Я вижу, что она смущена, поэтому спрашиваю снова.

— Нет, я имею в виду, что с тобой, с твоей головой? У тебя какое-то расстройство или что-то в этом роде?

Мне стоило задать вопрос по-другому, потому что лицо Агонии вытягивается, и она

выглядит обиженной после моих слов.

Она выпрямляется:

— Тебе потребовалось не так много времени, чтобы понять это, у меня биполярное и диссоциативное расстройство личности.

Черт возьми.

— Сколько тебе было, когда поставили диагноз?

— Десять.

— Родители водили тебя на обследование? — Я чувствую, что должен прекратить задавать вопросы, но я хочу знать. По какой-то непонятной причине я все еще хочу знать о ней всё.

— Нет.

— Тогда как же ты узнала?

— Ты действительно хочешь знать, Монте? — говорит Агония, прислоняясь к дверному косяку. Это все еще Агония, я вижу синеву. Но думаю, что своими вопросами могу подтолкнуть ее измениться.

Нет.

— Да. — *Черт!* Агония подходит к кровати и садится рядом со мной.

— Она убила моего отца, мама увидела, что мы смотрим на его безжизненное тело, вызвала полицию, и меня арестовали. Позже меня направили к психологу, который определил, что я психически больна. Меня отослали на восемь лет. Я ничего не помню о том, что она сделала, только небольшие образы из того, что она мне рассказала. — Агония трет лицо и сутулится, она выглядит раздраженной. — Она всегда все портит для меня, но еще она единственная, кто был рядом, когда я действительно нуждалась в ком-то.

Мое сердце сжимается. У этой красивой девушки всегда была только одна подруга. И ее второе «я» — чертова психопатка, которая убила ее отца и отправила ее в сумасшедший дом. Неудивительно, что Агония выглядит такой противоречивой.

— Мне жаль слышать о твоём отце. — Я действительно не знаю, что сказать.

— Не стоит. Он был жестоким сукиным сыном, забившим мою сестру до смерти. Он заслужил смерть, только не от моих рук. Моя сестра заслуживала справедливости, только не такой.

Несколько минут она сидит молча, уставившись на свои руки, лежащие на коленях. Боюсь сказать что-нибудь еще, боюсь, что она может измениться. Я вздрагиваю, когда Агония встает с кровати, не понимая, кто сейчас рядом.

— Прошу прощения. — Она выходит из комнаты и закрывает за собой дверь.

Тяну руку, чтобы утешить ее, но тут же вспоминаю, что мои руки привязаны к столбику кровати.

Черт, я должен найти выход отсюда, а не разговаривать с человеком, который держит меня в плену.

Но чувствую, что должен спасти Агонию, спасая себя. Может я смогу.

Может быть, я смогу спасти нас обоих от нее.

Глава 15

Агония

Я сказала ему.

Я рассказала ему все, что, как думала, никогда не расскажу никому в жизни.

Но было так приятно поделиться этим с ним.

Все равно что вырвать страницы, которые описывали темную часть моей жизни из дневника и сжечь их все. Моя прошлая жизнь. Ну, какая-то часть моего прошлого. Больше всего меня пугало, что она не остановила меня. Ни разу. Она осталась в темном, пыльном уголке моего сознания, где ей и место.

Сразу возникает мысль, что она делает, что она задумала.

Я заканчиваю убирать посуду и вытираю руки. До Монте все было намного проще. Мне не приходилось так сильно беспокоиться о ней. Но теперь, теперь она совершенно непредсказуема, и это пугает меня до чертиков. Я не знаю, навредит ли она нам, но уверена, что она пойдет на крайние меры, чтобы навредить другим.

Я должна что-то сделать, чтобы отвлечься от связанного в моей постели мужчины и моей зловещей второй половины.

Буду прибираться, хотя мой дом и так чист. Я снова его почищу.

Кладу кухонное полотенце на стойку и иду в прачечную, чтобы взять чистящий порошок. Когда прохожу мимо двери своей спальни, Монте окликает меня.

— Агония?!

Я поставила порошок и открыла дверь.

— Мне нужно отлить.

— Эм... Ладно. Подожди. — Отправляюсь на кухню и беру чашку из шкафчика. — Сейчас развяжу тебе руку, чтобы ты мог пописать в нее. — Я поднимаю чашку, чтобы он мог ее видеть, — И, пожалуйста, не делай глупостей.

— Конечно. Потому что я способен на многое, будучи связанным.

Я развязываю ему руку и отворачиваюсь. Жду, пока он расстегнет молнию и все поправит.

— Ладно. Я готов.

Я оборачиваюсь и почти падаю на колени.

Иисус, Мария и Иосиф.

Член Монте должно быть добрых шесть дюймов, вялый! Черт, я хочу знать, насколько он может увеличиться! Монте откашливается, и я чувствую, как мое лицо мгновенно вспыхивает.

— Извини, — говорю я, смущаясь, что меня поймали. Оно того стоило. Я поднесла чашку к его члену. — Не писай на меня.

Монте смеется. Правда, смеется! Это заставляет меня чувствовать себя лучше, зная, что он способен найти немного юмора в этой гребаной ситуации.

— Не смейся меня, и я не буду, — отвечает он.

Когда он заканчивает, я вываливаю содержимое в унитаз и выбрасываю чашку в мусорное ведро. Подхожу к Монте и протягиваю руку, показывая, что мне нужно снова связать его руку. Он смотрит на меня секунду и вместо того, чтобы протянуть мне руку, хлопывает по кровати рядом с собой. Я бы все отдала, чтобы сесть рядом с ним и быть непринужденной, но мы не в той ситуации.

— Я не могу, Монте, — говорю, сокрушенно.

— Я просто хочу поговорить с тобой. Настоящей тобой. С тобой!

— Ты не понимаешь. Я не могу. Не могу сидеть здесь и делать вид, что все в порядке. Она привязала тебя к моей кровати, черт возьми! И я ничего не могу с этим поделать, потому что она способна отыграть нас обоих. Ей совершенно наплевать, как это отразится

на ней самой. — Я вытираю лицо, чтобы избавиться от слез, которые текут. — Теперь, пожалуйста, просто дай мне свою руку.

К счастью, он протягивает мне руку, и я снова привязываю ее. Может быть, в другом мире или в другой жизни я могла бы быть с кем-то и жить нормальной жизнью. Но не сейчас.

Выхожу из комнаты и возвращаюсь на кухню. Я даже не потрудилась взять чистящий порошок. Мне больше не хочется убираться. Отодвигаю стул и сажусь за стол.

— Когда-нибудь у меня будет нормальная жизнь, — говорю я вслух, надеясь, что она меня слышит.

«*Это угроза?*» — А, вот и она! За весь день она не проронила ни звука, и именно эти слова заставили ее выйти.

— Нет, это чертово обещание!

«*Мне нравится эта твоя сторона. Я бы тебе не понадобилась, если бы ты знала, как ей пользоваться! Но попробуй это на ком-то, кто не знает, что всё, что ты делаешь, — это только даешь пустые обещания.*»

— Знаешь, всю нашу жизнь я думала, что ты — это удивительная часть меня. Защитник. Кто-то, кем я хотела бы быть. Но ты просто психопатка, и я ненавижу это, потому что ты часть меня! Ты сводишь меня с ума!

Она молчит. Нет ответа. О, нет.

Пожалуйста, нет.

Агония думает, что я псих. Я, на хрен, покажу ей психопатку! Врываюсь в дверь спальни, я готова развлекаться.

— Привет, Монте. Я хочу играть! — Его глаза расширяются от страха, и прежде чем он успевает что-то сказать, я хватаю его лицо и целую так сильно, как только могу. Достаточно грубо, чтобы пошла кровь и теперь я чувствую ее вкус, когда мои губы играют с его.

Но он не целует меня в ответ.

— Что? Разве я недостаточно хороша, чтобы целоваться? — спрашиваю я, склонив голову набок.

— Черт. Нет! Ты чертов психопатка! — сердито отвечает Монте.

— Меня заводит, когда ты так меня называешь. — Но еще меня это бесит. Я думаю, он заслуживает наказания за это. — Может, ты и нравишься Агонии, но в моих глазах ты просто жалок. Твоя внешность — это все, что у тебя есть. — Я поднимаю руку и бью Монте наотмашь с такой силой, что его голова откидывается в сторону.

Срань господня, как жарко!

Монте начинает бороться с веревками. Я смеюсь.

— Ты не сможешь освободиться. Не стоит даже и пытаться. — Забираюсь на него сверху, оседлав его тело. Наклоняюсь, и мы оказываемся нос к носу. — Но, эй, я думаю, это очень сексуально — видеть, как твои мышцы напрягаются, когда ты тянешь за веревку.

Начинаю тереться о него, Агония мельком увидела, что у него под джинсами, и должна признаться, я ревную.

— Я тебя возбуждаю, Монте? — нежно целую его в щеку. — Или, лучше спросить, тебя возбуждает тело Агонии? — Продолжаю покрывать поцелуями его лицо, пока он просто лежит с закрытыми глазами.

— Брось, Монте, знаю, что она тебе нравится. Я вижу это, когда ты смотришь на нее.

Может так? — Я сажусь и снимаю рубашку, которую Агония надела сегодня утром. От холодного воздуха соски Агонии мгновенно затвердевают. — Как сейчас? Ее красивые сиськи делают твой член твердым? А?

Я не понимаю, почему Монте не смотрит на меня так же, как на Агонию. Мы — два разных человека в одном теле! Так почему я не завожу его?

Монте пристально смотрит на меня:

— Ты не заводишь, я давно не тринадцатилетний подросток, который только что обнаружил, что может сделать дрочка! Ты не Агония. В тебе нет ничего сексуального. Да ты с ума сошла! Все, что ты делаешь, это губишь ее!

— Заткни. Рот! — Чем больше он говорит, тем больше я злюсь. И это чертовски заводит!

— Ты отвратительна. Чудовище, — продолжает Монте.

Хватаю его лицо и впиваюсь ногтями в кожу, пока не чувствую, как она рвется под моей хваткой. Я смотрю, как кровь сочится из порезов, оставленных моими ногтями.

— Мы совершенно одинаковые. Одна гребаная плоть. Разница лишь в том, что я знаю, насколько сильна Агония! Я использую ее силу, чтобы защитить нас от таких тупых ублюдков, как ты! — отпускаю лицо и слезаю с него. Собираюсь выйти из комнаты, но перед этим решаю оставить его с приятным напоминанием о том, с кем он имеет дело. Я возвращаюсь к Монте, хватаю его за яйца и сжимаю изо всех сил. Вздох, исходящий от него, опьяняет.

— Слушай, я знаю, она сказала тебе, что я убила ее говнюка папашу. Но она сказала тебе, как? — Монте отчаянно трясет головой.

— Нет, — выдыхает он с явной болью в голосе.

— Я выбила из него все дерьмо, а потом отрезала ему член и заставила подавиться им! Продолжай так со мной разговаривать, и я сделаю то же самое с тобой! — Я отпускаю его и выхожу из комнаты.

Гребаный придурок. Мы — одно и то же! Я — это она.

Глава 16

Монте

Я больше не чувствую своих рук. Покалывание прошло некоторое время назад, теперь они просто онемели. Чем больше я тяну за веревку, тем туже она обхватывают мое запястье. Я начинаю думать, что мне придется действовать как в фильме «Пила», чтобы освободиться. Лишиться руки, черт возьми, перетерев ее веревкой. Я даже могу сделать это со своей поганой рукой. Все равно ее не чувствую. И я уверен, что у меня уже есть повреждение нервов из-за двух сломанных пальцев.

Кого я обманываю? Это займет слишком много времени, а у меня нет на это сил. Я голоден, меня мучает жажда. Я уже на последнем издыхании. И все же я здесь, возвращаюсь после очередного выброса адреналина от маленькой Мисс Психопатки.

Громкий грохот из кухни заставляет мое сердце снова бешено колотиться. Я смотрю на дверь. Еще один громкий треск.

О, нет. Агония.

Все во мне требует лежать и ничего не делать, но у моего рта другие планы.

— НЕ ДЕЛАЙ ЕЙ БОЛЬНО, ЧЕРТОВА СУКА! — Может быть, я только что вырыл се

могили, но я не могу позволить Ей причинить боль Агонии.

Суматоха на кухне останавливается, и, клянусь, мое сердце тоже. В ожидании я устремляю взгляд на дверь. Готовлю себя к тому, что вот-вот произойдет.

Один шаг. Два шага. Три. Четыре. Пять.

Я слышу шаги в коридоре. Изо всех сил дергаю веревку, надеясь, что каким-то чудом мне удастся освободить здоровую руку. Но, как обычно, она просто трется о кожу и вызывает ожог.

Дверь медленно открывается, и входит побежденная, окровавленная Агония. О боже. У меня сжимается сердце, и я хочу что-то сказать, но не могу. Просто смотрю на ее лицо, ее когда-то прекрасная фарфоровая кожа теперь малиновая и покрыта царапинами и следами когтей.

— Я... я просто приму ванну, — говорит Агония, ее голос полон печали и боли.

— Господи, Агония.

Агония поднимает руку:

— Она это заслужила.

Подождите, что?

Это сделала не мучительница Агонии! Агония сама попыталась причинить ей боль. Агония открывает дверь ванной и начинает раздеваться. Слышу ее тихие вскрики и не могу этого выносить. Я хочу ей помочь. Спасти ее от монстра в ее голове. Но не знаю, как. Я отворачиваюсь, потому что чувствую, что каким-то образом совершаю насилие над ней, наблюдая, как она раздевается, хотя она не просила меня отвернуться или потрудиться закрыть дверь.

Я чувствую себя как моя мама. Она так хотела помочь моему отцу, но он отказался от любого лечения. Поэтому мы просто разбирались с последствиями его решений по мере их появления.

Слышу, как включается вода, и когда смотрю на дверь ванной, там стоит Агония. Она просто смотрит вниз на свои ноги, кровавые отпечатки рук и ссадины покрывают ее кожу.

— Я... Я знаю, что говорила это раньше, но мне очень жаль. И я найду способ помочь тебе без того, чтобы **Она** вернулась и уничтожила нас обоих. — Агония поворачивается и исчезает в ванной. Это не она должна спасать нас, это я должен спасти ее.

Из ванной доносится запах лаванды и мяты, и он напоминает мне о том дне, когда я встретил Агонию. Когда я сидел перед ней, это было все, что я чувствовал. Аромат не был подавляющим, но достаточным, чтобы вы могли наслаждаться им.

Все было намного проще до того, как я приблизился к Агонии. Да, моя жизнь была отстойной, но, по крайней мере, меня не били и не морили голодом. Интересно, что делает Кевин? Наверное, трахает какую-нибудь телку, даже не беспокоясь о том, где я. Мое единственное спасение, но я могу гарантировать, что он не беспокоится обо мне. На самом деле я ничего не могу требовать, мне тоже было бы наплевать, если бы он исчез на несколько дней. Мы просто соседи по комнате, а не друзья.

— Привет, Монте. — Голос Агонии возвращает меня к суровой реальности.

— Да.

Шлепая мокрыми ногами, она выходит из ванной и снова останавливается в дверях, но на этот раз укутанная в черное полотенце.

— Если бы я была нормальной, ты мог бы представить нас парой?

Что?

Не знаю, что сказать, потому что Агония совсем не похожа на других девушек, с которыми я встречался. Все они были высокие, стройные, загорелые, и блондинки. Агония, она не худая, у нее длинные черные волосы, молочно-белая кожа, и татуировки. Я смотрю на нее и обдумываю этот вопрос, потому что сейчас мне интересно то же самое.

И да, я могу представить нас как пару. Смеющихся друг над другом идиотов. Поддерживающих друг друга после долгого дня или после того, как случился неудачный день. Смотрящих вместе фильмы и готовящих вместе ужин. Я могу представить это сейчас. Агонии, не нужно быть нормальной, чтобы я захотел быть с ней. Я по-прежнему хочу ее. Большая ошибка, я знаю, но хочу. Но та, что живет в ее голове, заставляет меня бояться.

— Агония, если бы тебе помогли, если бы ты лечилась от своих болезней, я бы точно обнимал тебя ночью. Был бы тем, кто целовал и обнимал тебя всякий раз, когда у меня будет такая возможность. Тебе не нужно быть нормальной, тебе просто нужно получить помощь.

Агония смотрит на меня, переваривая мои слова. Черт, я все еще думаю над тем, что только что заявил. Она поворачивается и закрывает дверь. Надеюсь, я не обидел ее. А еще больше, надеюсь, что не вызвал ЕЕ, не вернул дьявола к жизни.

Я пролежал там добрых десять минут, прежде чем Агония вышла из ванной. Теперь, когда она помылась, я могу лучше видеть ее повреждения. Руки Агонии все исцарапаны, а на лице по бокам следы от ногтей. На ее ногах не так много царапин, как на всем остальном теле, но кое-какие присутствуют.

Как Агонии удалось проделать все это с собой?

— Я собираюсь в город прикупить несколько вещей. Вернусь позже. Не делай глупостей.

— Конечно, не думаю, что это возможно, — отвечаю я, дергая за веревку.

Агония хватает одежду с комода и выходит из комнаты. Я снова кладу голову на подушку, как только перестаю слышать шаги. Звук, доносящийся из-под моей головы, вселяет в меня такую надежду, что я чуть не кричу.

Я СПАСУ нас.

Глава 17

Агония

Помню, когда мы только переехали сюда, я уходила из дома и просто бродила по лесу. Однажды я шла три часа и нашла этот маленький участок с прудом и ручьем, который тянулся все дальше и дальше, слишком далеко для меня, чтобы идти до конца. Здесь было так уединенно и тихо.

Мирно.

Я просидела там несколько часов, не обращая внимание на шум машин и людей. Она даже не появилась. Что было, безусловно, лучше всего.

После ванны я решила, что хочу снова посидеть там. Подальше от моей ужасной реальности в этом доме.

Слова Монте глубоко задели меня. Было так приятно слышать, как кто-то говорит, что хочет меня такой, какая я есть, но было чертовски больно, когда он сказал, что все, что мне нужно — это получить помощь. Я пыталась. Так много раз.

Когда меня выпустили из психушки, мне выписали рецепты на лекарства, чтобы помочь с перепадами настроения и расстройством личности. Еще мне назначили встречи с врачами, которые могли помочь мне и лечить меня так, как они считали нужным.

Но Она все портила. Каждый. Гребаный. Раз.

Все мои лекарства оказывались выброшенными в унитаз, каждый визит врача был либо отменен, либо пропущен из-за нее. Из-за нее вся моя жизнь превратилась в руины. У меня не было нормального детства, но это не совсем ее вина. Все мои подростковые годы были потрачены впустую из-за ее действий. А теперь из-за нее моя молодость жестоко разрушена.

Все плохое в моей жизни произошло из-за нее!

Прогулка к пруду была такой же мирной, как и в прошлый раз. И он так же прекрасен, как и тогда, когда я впервые нашла это место. Свет заходящего солнца делает обстановку такой безмятежной. Оранжевые, пурпурные и желтые линии раскрашивают верхушки деревьев от заходящего солнца.

Я сажусь у пруда и кладу пальцы на поверхность воды, создавая рябь. Она искажает мое отражение. Заставляя меня выглядеть так, как я себя чувствую.

Испорченной. Я такая дрянь, и ничего не могу с собой поделывать. Она все усложняет. Я стараюсь быть нормальной, я пытаюсь контролировать свою жизнь. Но чем больше я стараюсь, тем сильнее она сопротивляется. Это нескончаемая битва с ней. Как будто она всегда должна сделать что-то, что заставит нас рухнуть, и восстанавливаться после этого всегда чертовски больно.

«Зачем ты пришла сюда?»

Вот тебе и одиночество. Но опять же, я никогда не бываю одна.

— Потому что мне здесь нравится. Здесь тихо и спокойно. Разве это проблема?

«Здесь полный отстой. Насекомые, и пахнет как дерьмо. Как жуки и дерьмо могут пахнуть мирно?»

— Никто не просил тебя выходить. Здесь прекрасно. Уходи. — *Пожалуйста!*

«Итак, я подумала о том, что делать с Монте...»

— Ты черт возьми ничего не сделаешь с Монте. Уже нет. Я отпущу его завтра, а потом... — Я замолкаю, потому что не знаю, что буду делать после того, как отпущу его. Просто знаю, что мне нужно увести его как можно дальше от себя. Она сделала меня ядовитым человеком, и она причиняет ему боль.

«Что потом, Агония? Сдаться? Ты действительно думаешь, что сможешь справиться с тем, что тебя накачают наркотиками и запрут на всю оставшуюся жизнь? Мы проходили это в течение восьми лет, и это сломало тебя». — Она отрицательно качает головой. — «Или ты думала, что я позволю тебе получить помощь и избавиться от меня? И все будут рады и счастливы». — Циничный смех вырывается из нее. — «Смилуйся. Я здесь навсегда, Агония. Я никуда не уйду. Никогда. Привыкай к этому, потому что мне действительно нравится выходить наружу. Я торчала в твоей голове слишком долго. Скоро все изменится!»

Как бы мне ни хотелось, чтобы она соврала, я знаю, что она выполнит все, что задумала. Она уничтожит меня, медленно и мучительно, но в конце концов убьет нас обоих.

Это наводит меня на мысль. То, что стоило сделать давным-давно. Прежде чем она поняла, насколько сильна.

Глава 18

Монте

Агония ушла несколько часов назад, судя по часам на тумбочке. Мне не следовало бы беспокоиться о ней, но я беспокоюсь. Я потратил это время, чтобы обдумать свой план и

тщательно продумать каждый шаг.

Я просто надеюсь, что это сработает.

В животе громко урчит. Я очень хочу есть. Я не стал есть пищу, приготовленную Агонией, потому что не знал, кто ее приготовил. Агония или **Она**. Не хотел рисковать. Вполне возможно, в тот момент она могла быть отравлена или посыпана осколками стекла или каким-нибудь безумным и злым дерьмом, которое заставило бы меня умереть медленной и мучительной смертью.

Звук входной двери прерывает тишину дома. Все мое тело напрягается и вызывает волну боли, пробегающую по мне. Каждая мышца болит.

Хорошо. Посмотрим, кто войдет в эту дверь.

Но никто не входит. Звук шагов не доносился из коридора. Просто жутко тихо, и я не знаю, должен ли позвать Агонию или **Ее**, или, черт возьми, даже кого-то еще. Черт, а что, если **Она** привела сюда кого-то еще, чтобы пытать? Или кто-то еще здесь, чтобы мучить меня!

Проходит десять долгих, мучительно тихих минут, прежде чем я слышу шаги, приближающиеся к двери. Все это время я смотрел на дверь, ожидая, надеясь, что это просто Агония войдет ко мне.

Дверь открывается, и входит Агония:

— Извини, что так долго не возвращалась. У меня есть немного еды. Я имею в виду, если ты хочешь что-нибудь съесть. Я пойму, если ты не станешь.

Спасибо тебе, Иисус!

— Могу ли я быть уверен, что она не отравлена? — неуверенно спрашиваю я, надеясь, что это не вернет Ее Дьявола.

Агония смеется, и это немного согревает мне сердце.

— Обещаю. Я только что купила ее в закусочной у дороги.

Агония ставит еду на комод. Она слегка поворачивается, загораживая мне обзор, и кладет что-то в верхний ящик.

— У меня есть бургеры и картошка фри. Все самое простое.

Она такая спокойная, что даже страшно.

Я дергаю веревку здоровой рукой:

— Могу я поесть сам? — Агония обхватывает меня, и ее грудь оказывается прямо перед моим лицом. Я тихо стону. Это просто несправедливо.

— Ладно. Помни...

— Да, не делать глупостей. Знаю, — перебиваю я.

— Правильно. — Она вздыхает.

Агония возвращается к комоду и хватается за еду, которая так хорошо пахнет. Она осторожно садится на кровать рядом со мной и начинает есть. С минуту я наблюдаю. Глядя на нее сейчас, никогда не скажешь, что с ней что-то не так. За исключением ее глаз. Постоянная борьба между черным и синим. Это может выдать ее, но вы должны действительно посмотреть на нее, чтобы заметить, что, что-то произошло. Внутренняя война, которую она постоянно ведет внутри себя.

Я беру гамбургер, который Агония положила рядом, и откусываю. Мой желудок урчит от удовольствия, когда я глотаю. Так хорошо. Набираю горсть жареной картошки и запихиваю ее в рот, как будто это последний раз, когда я ем ее снова.

Я съедаю все до последней крошки за пять минут. Закончив, я поднимаю глаза и вижу,

что Агония смотрит на меня с удивлением. Ну, я просто выставил себя полным придурком.

— Прости. — Я хихикаю.

— Нет, я понимаю. Ты был голоден. — Агония берет обертки, складывает их в пакет и откладывает еду в сторону. Этот побежденный взгляд снова охватывает ее. Я кладу свободную руку ей на бедро.

— Я должна снова связать тебя, — Она встает с кровати и тянется к моей руке. Я не борюсь с ней. Чем больше я буду сотрудничать, тем легче будет делать то, что мне нужно.

После того, как моя рука снова привязана, Агония уходит, не сказав больше ничего. И снова я остаюсь один. В доме тихо. А когда в гостиной гаснет свет...

Я выдергиваю сломанную руку из веревки и с болью приступаю к осуществлению своего плана.

Глава 19

Агония

Я уже два часа пялюсь в учебник. Я не прочла ни единого слова. Вижу только черные, размытые линии. Вытираю лицо рукавом и пытаюсь снова. Я должна продолжать учиться, чтобы сдать выпускные экзамены. Но все это дерьмо занимает мои мысли полностью.

Я до сих пор не сказал своему профессору, буду ли я выступать на этом мероприятии или нет. Я очень сомневаюсь, что смогу. У меня есть время до пятницы, чтобы сказать ей, если соберусь. Я вздыхаю. Сдавшись, закрываю учебник и кладу голову на стол. Бессмысленно пытаться читать, когда я не вижу слов.

Ненавижу плакать. Это заставляет меня чувствовать себя слабой, сломленной. Трусихой.

Но, похоже, сегодня я не могу контролировать свои слезы. С тех пор как я вышла из комнаты после ужина с Монте, они просто начали течь свободно.

Это, безусловно, самая большая ошибка, которую я... *Она* когда-либо делала. Я не могу найти правильный способ все исправить. Я так отчаянно хочу, чтобы все это было каким-то дурацким сном, и в любую минуту я проснусь, и моя жизнь вернется к своему обычному руслу. Но это моя реальность. Моя жизнь. В упадке из-за ее эгоизма.

Я никогда не буду одна, у меня никогда не будет нормальной жизни. Я никогда не смогу спасти Монте, потому что она найдет способ остановить меня.

Плачу еще сильнее при мысли о том, что никогда не смогу жить нормальной жизнью! Никогда не буду иметь детей и не выйду замуж. Простые вещи, которые большинство людей принимают как должное.

«Прекрати реветь. Тебе не о чем беспокоиться».

— Уходи. Прочь. — отвечаю я. — Просто дай мне одну минуту побыть одной. Один гребаный момент, у меня срыв!

«Давай выпьем чаю. Это заставит нас чувствовать себя лучше».

— Мы? Нет, так тебе станет лучше. Ты не можете исправить ситуацию с помощью чая. — Она сошла с ума.

«Ну, я хочу чаю. Что в этом плохого? Из-за твоего нытья у меня голова раскалывается». — она потирает наши виски.

— Я не хочу чай. Просто уходи. — Никогда так не хотела, чтобы она исчезла, как сейчас. Мне все равно, что она желает, я просто хочу немного гребаного покоя!

После этого утверждения *Она* делает то, что делает лучше всего, становится мной.

Потому что оставить меня в покое было бы слишком просто.

Чай должен быть успокаивающим напитком, если это полностью натуральное дерьмо. Но поскольку мы бедны и разорены, подойдет и дешевый сорт. Я ставлю чайник на плиту и сажусь за стол.

Закрываю глаза и пытаюсь унять пульсацию от головной боли. Она так слаба, и это только причиняет нам боль. Если бы у нее были хоть какие-то яйца или хребет, все было бы проще. Иногда мне кажется, что было бы легче, если бы я находилась в чьей-то другой голове, в ком-то более сильном. Но потом я вспоминаю жизнь Агонии и понимаю, что была создана для нее. Я — ее опора. Я ее защитник.

Большинство людей не знают, что они являются чьей-то альтернативной личностью. Но я знаю. Мне уже несколько раз говорили. Много людей. Это нетрудно понять, когда у вас не хватает кусков вашей жизни, и вы все время видите вещи с точки зрения кого-то другого.

Чайник начинает свистеть, поэтому я выключаю плиту и ставлю его на заднюю конфорку. Когда я поворачиваюсь, чтобы взять чашку из шкафчика, последнее, что я ожидаю увидеть, это Монте, стоящего там, держащего несколько шприцев, как я предполагаю, это морфий, который Агония приготовила для него. Потому что он маленький сучёнок.

Не буду врать, но сейчас он выглядит чертовски сексуально. С этим взглядом «Я хочу быть героем» в его глазах.

— Так вот как ты хочешь это сделать? — спрашиваю я.

Он крепче сжимает шприцы.

— Ладно. — Я делаю глубокий вдох. — Давай попробуй.

Глава 20

Монте

Это *Она*. Мисс Больная Извращенка.

Я надеялся, что это будет Агония, и что я смогу просто убедить ее позволить помочь ей, но, похоже, мне придется бороться за Агонию, хотя я уверен, что это сплошное безумие. Но я чувствую, что должен спасти ее. Я не могу просто уйти.

Если бы мог, я бы уже давно сбежал, но моя голова и мое сердце говорят мне, что, если я просто уйду отсюда, Агонии не станет. И я не могу этого допустить. Я не смог спасти свою маму, когда мой отец сошел с ума после войны, был слишком маленьким. Но я могу спасти Агонию. Или, по крайней мере, буду стараться изо всех сил.

— Делай свой ход, красавчик. У меня чайник на плите, и мне бы не хотелось, чтобы вода остыла, — говорит она.

— Почему бы не сделать это проще для всех нас и просто не сдаться? — *Стоило попробовать.*

Она со смехом откидывает голову назад.

— Ты не очень умный, Монте. Сексуальный, но без мозгов. Наверху у тебя ничего нет. Ты серьезно думаешь, что я позволю тебе накачать меня наркотиками, а потом что? Сдать меня? Помочь Агонии? Иметь счастливое будущее? О, пожалуйста. Мы с Агонией уже говорили об этом. Такого не случится.

Я крепче сжимаю шприцы. Не могу поверить, что *Она* не нашла их под подушкой. Они были там с тех пор, как я схватил пакет с тумбочки.

Она делает шаг ближе:

— Я — это она и буду жить долго и счастливо. Я ее защитник. Я обеспечиваю ее. Я — это она. Видишь ты это или нет. Так почему бы тебе просто не сдать мне, и никто не пострадает? Потому что будь я проклята, если позволю тебе причинить вред этому телу. Агония для меня священна, так что облегчи мне задачу, брось морфий, возвращайся в постель и позволь мне связать тебя!

— Пошла. Ты.

Я бросаюсь вперед и толкаю ее на пол. Она начинает сопротивляться, брыкаясь и размахивая руками. Я изо всех сил пытаюсь схватить ее за руку своей сломанной рукой, но это бесполезно. Она царапает мое лицо, ударяя по открытой ране от ее головы-приклада, и извивается подо мной.

Хватаю ее за лодыжку и притягиваю к себе, но она изворачивается и бьет меня ногой в лицо. Треск и стреляющая боль, в моем носу, заставляют меня видеть белые точки. Она встает и снова бьет меня по голове, но я хватаю ее за ногу и опрокидываю обратно на пол.

Падая, она пытается схватиться за стойку и роняет чайник, заставляя горячую воду брызнуть на пол и на нас. Я забираюсь на нее сверху и хватаю за запястья. Используя те немногие, что у меня остались силы, я удерживаю *Ее*.

— Перестань драться, и все будет кончено.

Она перестает двигаться, ее грудь вздымается с каждым вдохом.

Голубые глаза. Черт!

— Монте. — Агонии скулит.

— Все в порядке. Я просто хочу помочь. — Ослабляю хватку, и в ту же секунду *Она* высвобождает руку и бьет меня прямо в висок. Раз. Два. Три.

Я падаю на бок, чувствуя головокружение и дезориентацию от ударов, и она оказывается на мне. У меня кружится голова, и я на грани обморока. Чувствую укол в шею сбоку. Поднимаю руку и нахожу две иглы в своей шее. Я не почувствовал, как они выскользнули из моей руки.

Дерьмо. Дерьмо. ЧЕРТ!

— Ты недооцениваешь меня, Монте. Может, я и маленькая, но свирепая. Я сильная. И не боюсь тебя покалечить!

Еще до того, как морфий подействовал, *Она* начинает изо всех сил бить меня по лицу, удар за ударом. Пока я не перестану видеть ничего, кроме темноты.

Я просто хочу помочь Агонии.

Глава 21

Придется вновь ставить чайник, потому что кто-то почувствовал себя смелым и захотел быть героем. Чертов идиот, полностью недооценивает мою способность делать, ну, почти все. Монте научится. Я, черт побери, раскрою ему глаза, чтобы у него появилась четкая гребаная картинка.

Сейчас мне потребовалось немного больше времени, чтобы связать его. Он был очень тяжелым в этот раз, когда я тащила его в нашу комнату. Но я справилась. И убедилась, что Монте больше не сможет освободиться. Дважды затянула узлы на веревке.

Как я не заметила, что пакет с бинтами и морфием пропал, — это выше моего понимания. Наверное, я слишком увлеклась тем, что оставляла на его коже свои красивые отметины. Посмотрите на него сейчас, он выглядит намного сексуальнее. Избитый и в синяках.

Очень мужественно.

Я подхожу к краю кровати и забираюсь на Монте.

— Знаешь, Мистер Ирландия, ты мог бы стать таким же злым и гнилым ублюдком, как я, если бы захотел. Нам было бы здорово вместе. Находили бы тупых придурков, которые причиняют боль людям, похищали и пытали.

Кладу голову ему на грудь и слушаю, как бьется его сердце. На самом деле это очень успокаивает. Меня поражает, что нам нужен такой маленький орган, чтобы жить, а без него мы просто пустая трата человеческой кожи и костей. Пустой бесполезный мешок дерьма.

— Могу я тебе кое-что сказать, Монте? — Я смеюсь, конечно, могу. Мне не нужно разрешение. — Мне всегда хотелось иметь имя. Что-то, что отделяло бы меня от Агонии, кроме наших совершенно разных личностей. Но дубое имя, о котором я слышала или читала, никогда не выделялось для меня.

Выпрямившись, смотрю на Монте. Медленно приподнимаю его футболку и люблюсь безупречным телом.

— Имя, которое звучало бы горячо, если бы его выкрикнули от удовольствия или боли! — Начинаю медленно двигать бедрами вперед-назад. Нажимая вниз для дополнительного давления. — Что-то, что могло бы возбудить меня больше, чем звук твоих криков.

Я толкнулась сильнее, наращивая удивительное ощущение, будто его член у меня между ног. Хотя он без сознания и обмяк, меня безумно возбуждают все эти шишки, синяки и брызги крови на его лице, руках и ладонях. Следы, которые я оставила.

— Черт возьми, Монте! — Откидываю голову назад от удовольствия и двигаюсь быстрее.

Так приятно.

Монте стонет подо мной, и это все, что нужно, чтобы отправить меня по спирали в сладкий экстаз. Я впираюсь ногтями ему в живот, достаточно сильно, чтобы расцарапать кожу, и смотрю, как сочится кровь. Подношу пальцы к губам и ощущаю вкус его жизни на своих руках.

— Стоило позволить тебе трахнуть Агонию; вероятно, удовольствие было бы намного сильнее. Но сойдет и так. — Я слезаю с него и ложусь рядом.

— Как насчет Сэм? — спрашиваю, думая об именах. Я была безымянной всю свою жизнь, ну, всю жизнь Агонии. У меня такое чувство, будто меня лишили моей личности, хотя на самом деле у меня никогда не было другой, кроме второй половины Агонии.

— Вивиан. — Я позволила этому имени прокручиваться в моей голове. Нет. — Эшли? — Слишком по-девчачьи. Хочу чего-нибудь сексуального. Такое, что будет мне нравится всегда.

— Это трудно. Очень жаль, что ты отключился, иначе я попросила бы тебя помочь мне.

Закрываю глаза и кладу руку ему на грудь. Странно обниматься с кем-то, но это приятно, по-другому. Немного успокаивает. И хотя он не принимал душ с той ночи, когда мы встретились, он все еще потрясающе пахнет, так что это плюс.

Когда я уже почти засыпаю, оно приходит ко мне. Мое имя. Мое навеки.

— Лора. — Я улыбаюсь и смотрю на Монте. — Ну, Монте. Приятно познакомиться. Меня зовут Лора!

Мое имя. Мое навеки. Лора.

Глава 22

Монте

Я — двадцатичетырехлетний взрослый мужчина, который весь состоит из мускулов. И я даже не смог совладать с такой маленькой Агонией. Она должно быть весит чуть больше шестидесяти килограммов, но, чтобы ее повалить мне пришлось попотеть.

Но когда я увидел эти глаза, глаза Агонии, мне пришлось остановиться. Я не хотел причинять боль Агонии, я хотел уничтожить *Ее*. Или, как Она называла себя во сне последние четыре часа, Лора. Думаю, она дала себе имя.

Странно, что мне оно нравится?

Последние несколько часов прошли как в тумане. Последнее, что помню, это ее, то есть Лору, бьющую меня по лицу, и укол в шею. После этого — пустота. Я проснулся около десяти утра и лежал здесь, снова связанный. Но на этот раз тело Агонии свернулось рядом с моим.

Такая нежная и сладкая.

Я пытался снова освободить руки, но что бы ни сделала Лора, ничего не выходит. Мои запястья выглядят так, будто на них странная сыпь от ожога веревкой. Они красные и начинают зудеть и опухать.

Поскольку я не мог освободиться, думал обо всех фильмах, которые видел, и книгах, которые читал за эти годы о таких людях, как Агония, и единственное, что приходит на ум, — это «Я, снова я и Ирэн». Тот, что с Джимом Кэрри. Забавный фильм, в отличие от моей ситуации.

Агония вертится рядом, заставляя меня замереть. Не хочу ее будить, потому что не знаю, кто проснется. Агония или Лора. И еще я не хочу, чтобы она вставала. Когда Агония прижимается ко мне, я чувствую, что она в безопасности. Даже при том, что я не могу защитить ее, будучи связанным. Хотя лучше сказать я вообще не могу ее защитить, потому что то, с чем нужно бороться, нельзя увидеть и в половине случаев.

Но опять же, после того, как мне надрали задницу, ей не нужно, чтобы кто-то защищал ее. Лора это делает. Но, похоже, Лора защищает ее только ради своего удовольствия, а не потому, что Агония действительно нуждается в защите.

Интересно, какой бы стала Агония, если бы у нее в голове не жил кто-то другой. Если бы она была нормальной.

Я размышлял, если бы у нее не было Лоры, смогла бы она защитить себя от всех мерзостей в этом мире? Всех этих грубых и ненормальных людей. Сумасшедших сучек вроде Лоры.

Агония снова шевелится, на этот раз она обнимает меня. И это бесит меня, потому что я тоже хочу обнять ее. А не могу!

Но почти сразу она убирает свои руки от меня, как только понимает, что лежит рядом. Я чувствую себя ограбленным, когда ее руки покидают мое тело. Это редкий момент в этой гребаной реальности, когда я могу быть с Агонией, когда она не борется сама с собой. Или, когда ее второе «я не избивает меня.

— Прости, — говорит Агония, вставая с кровати. Апатия на ее лице быстро исчезает, когда она смотрит на меня. — О боже, Монте!

Она недоверчиво прикрывает рот рукой.

— Все не так уж плохо. — Моя жалкая попытка заставить ее почувствовать себя лучше с треском проваливается.

— Не так уж плохо? Ты видел свое лицо? Монте, ты похож... на моего отца. — Агония шепчет эти последние слова так, словно это убивает ее.

— Но это не так. Агония, я не твой отец. Я могу тебе помочь. Если ты только отпустишь меня. Я могу тебе помочь.

— Я... я должна идти, — Агония выбегает из комнаты, прежде чем я успеваю сказать что-то еще.

— Агония, подожди!

Я ощущаю себя таким беспомощным и отчаявшимся. Снова чувствую себя как мама. Она всегда говорила, что поможет моему отцу, пока все не вышло из-под контроля, но ничего не смогла сделать. Она придумывала одно оправдание за другим. Пока однажды ночью он не напился до такой степени, что избил ее до неузнаваемости. Она умерла в больнице той же ночью, и когда мой отец узнал, что сделал, он застрелился. Он убил свою единственную любовь, а потом покончил с собой.

Посттравматический синдром — настоящий монстр, стоящим за всем этим.

Точно так же, как любая болезнь Агонии стоит за всеми ее действиями. Я ни в чем не виню Агонию. Я виню себя. Она бы не ввязалась во все это, если бы я просто оставил ее одну в тот день в кофейне.

Я слышу, как хлопает входная дверь, и дом снова погружается в тишину. Мне остается только гадать, что, черт возьми, будет с Агонией и что будет со мной.

Потому что я не в той форме, чтобы быть героем, в котором нуждается Агония, и не могу спасти себя, раз даже не могу противостоять Лоре.

Глава 23

Агония

Когда я увидела, что она сделала с Монте, меня чуть не вырвало. Воспоминания об избитом и окровавленном лице моего отца пронеслись в голове, и желудок скрутило узлом. Разница лишь в том, что Монте жив. Она не убила его. Почему она так его избивала, мне непонятно, но, честно говоря, я не хочу знать почему.

Мне нужно выбраться из дома. Его мольбы об освобождении убивают меня, разрывают на миллион кусочков. Я хочу отпустить его. Но не знаю, что будет, если я это сделаю. Не хочу, чтобы с нами еще что-нибудь случилось.

Голова раскалывается, и я уверена, что это из-за того, что она сделала прошлой ночью. Я даже не потрудилась переодеться или посмотреть в зеркало, прежде чем выйти из дома. Просто хотела уйти, чтобы хоть на секунду вздохнуть.

Попытаться побыть одной.

Гравий под ногами хрустит при каждом шаге. С радостью ощущаю боль в подушечках моих пальцев. Она помогает забыть, держать мой разум сосредоточенным на боли, заглушающей все остальное. Я даже не знаю, куда иду, просто пытаюсь убежать.

Начинаю напевать песенку, которую пела мне мама, прежде чем отвернуться от меня. До того, как случились все эти дерьмовые вещи. До Нее, до насилия, до этой жизни.

Тогда моя жизнь была гораздо счастливее.

Эти маленькие моменты — те, за которые я держусь. Те редкие, что я помню. Когда мне говорили, что я — благословение, а не трагедия. Чудо, а не грех. Прекрасный звук, а не

уродливый хаос. Ангел, а не дьявол.

Моя грудь начинает болеть, и из глаз текут слезы. Такое чувство, будто сердце вырывают из груди. Я чувствую себя такой слабой. Падаю на колени, земля царапает их при ударе, посылая новую волну боли по ногам. Я пытаюсь дышать этой болью.

Я хочу исчезнуть.

Хочу выбраться из этого тела. Хочу уйти из этой жизни. Хочу убежать из этого ада, в котором живу с тех пор, как она появилась. Я сворачиваюсь в клубок и пытаюсь погрузиться в себя.

Не знаю, где я и как далеко зашла, но здесь достаточно уединенно, чтобы я могла побыть одна. Чтобы поплакать спокойно. Я отдала бы все, чтобы эта жизнь, эта реальность оказалась жестоким кошмаром. Но это не так. Она завладела моим телом, она стала незваным гостем, от которого я не могу избавиться.

И из-за нее я никогда не буду в безопасности. Меня никогда не любят. Я никогда не буду нормальной.

Я хочу уйти. Я хочу исчезнуть, хочу умереть.

Глава 24

Монте

Я начинаю принимать свою судьбу. Я здесь уже три дня и не могу сбежать с тех пор, как попытался в первый раз. Мне следовало просто уйти. Бежать как можно дальше и не оглядываться. Но нет. Я хотел быть героем. Я все еще хочу быть героем, который нужен Агонии, но это бессмысленно.

Не могу выбраться. Не могу убежать. Не могу ей помочь.

Остается только спать, но и это у меня не получается. Я устал, но мое тело не отключается. Оно не сдастся. Поэтому вместо того, чтобы спать, я считаю трещинки на потолке. Ведь что еще можно сделать, когда ты, черт возьми, застрял без выхода.

Я сбиваюсь со счета, когда слышу шум снаружи.

— Эй! — кричу я. Надеюсь, что, если это какой-нибудь человек, я смогу привлечь его внимание и заставить позвать на помощь. Или, скорее, он убежит. Потому что кто, черт возьми, стал бы звать помощь, если находится на территории чужой собственности. Я бы не стал. Я убежал бы так быстро, как только смог. Это напоминает мне о том времени, когда я был подростком.

Когда мне было пятнадцать, мы с двоюродным братом зашли в заброшенный, как нам казалось дом, и обнаружили, что там живет старая леди, которая больше не может заботиться о своем доме, так что он выглядел запущенным и нежилым.

Застав нас на кухне, она вызвала полицию, держа нас на прицеле дробовика. Мы до смерти перепугались. После того как появились полицейские, они отвезли нас в участок и позвонили моей тете. В ту ночь нас выпороли, как никогда в жизни.

Я не разговаривал с моими родственниками с тех пор, как уехал в колледж. А теперь, возможно, у меня больше никогда не будет такой возможности. Слезы подступают к глазам и начинают катиться по лицу. Я пренебрегал людьми, которые приняли меня после смерти родителей, и, возможно, уже никогда не смогу показать, как благодарен им за это.

Я вытираю лицо рукавом футболки и закрываю глаза. Пара глубоких вдохов-выдохов, чтобы успокоиться. Я не могу плакать, не сейчас. Не тогда, когда мне нужно найти в себе силы остаться в живых.

Адреналин пронзает меня, когда я слышу, как открывается входная дверь. Я готовлюсь, ожидая, кто войдет в эту дверь.

Один шаг. Два. Три. Четыре. Пять.

Дверь спальни открывается, и входит Агония. Все мои чувства на пределе, когда Агония останавливается в ногах кровати. Внимательно смотрит на меня. Я не могу сказать, какого цвета у нее глаза.

Она выглядит такой больной. Сломленной и разбитой. Измученной.

За последние несколько дней я узнал, что она невинная женщина, пойманная в ловушку с демоном внутри ее разума, который контролирует ее. И все же после всего, что сделала ее злая половина, я еще хочу знать все, что только можно об Агонии. Ее любимый цвет. Любимая еда. Чем она любит заниматься в свободное время.

Всё это. Я хочу знать.

Она смотрит на меня, и я вижу, что она плачет. Лицо Агонии опухло и покраснело, мокрое от потока слез, которые, кажется, текут без ее желания.

Может быть, я попробую еще раз. Последняя попытка заставить ее отпустить меня. Использую этот момент слабости против нее. Как раз в тот момент, когда собираюсь заговорить, Агония подходит к комоду и достает что-то из верхнего ящика. Она закрывает ящик и садится рядом со мной на кровать.

У меня похолодело в животе. Но я молчу. Не хочу провоцировать Лору, потому что вижу, что Агония борется с ней в данный момент.

Она поворачивается ко мне и смотрит прямо в глаза.

— Прости меня, Монти. — Агония поднимает руку и приставляет пистолет к моей голове.

Черт! Твою ж мать!

— Нет, не делай этого, Агония. — Я изо всех сил тяну веревку, пытаюсь освободиться. Я не хочу умирать. Щелчок посылает озноб по всему моему телу. — Ну же, Агония. Не делай этого, пожалуйста! Позвольте мне помочь тебе! Пожалуйста. Позволь мне спасти тебя!

Я тяну все сильнее и сильнее, пока не чувствую, как по рукам течет кровь.

— Ты не можешь спасти меня, Монте. Я умерла давным-давно.

Потом пистолет выстрелил.

Глава 25

Монте

В ушах стоит звон, в голове стучит. Я боюсь открыть глаза.

Все произошло так быстро. И я не смог помешать этому случиться. Слезы текут ровным потоком, несмотря на то, что мои глаза крепко зажмурены.

Тяжесть тела Агонии на мне заставляет плакать еще сильнее. Я продолжаю тянуть веревки, не так сильно, как несколько секунд назад, но продолжаю пытаться. Боль дает мне возможность сосредоточиться на чем-то, кроме ее безжизненного тела на моем.

Я не понимаю.

Я мог бы помочь Агонии, но она не чувствовала себя достойной помощи из-за того, что жило внутри нее. Я хотел быть ее героем, ее спасительной благодатью. Но она не позволила.

Моя рука, наконец, выскальзывает, но вместо того, чтобы освободить другую, я нахожу руку Агонии и держу ее. Боль пронзает меня, когда шершавая ткань касается места, где

веревка перетерла мое запястье. Но мне все равно, я рад этой боли. Любая другая боль, кроме той, что я чувствую в груди.

Три дня.

Три дня смотреть, как эта уникальная женщина борется сама с собой. Три дня желать узнать ее, даже несмотря на то, что она привязала меня к своей кровати, и я напрочь запутался в своих чувствах. Три дня чудовище в ее голове пыталось нас обоих. Но Агонию она мучила всю ее жизнь. То, что случилось со мной, — лишь малая часть тех страданий, через которые ей пришлось пройти.

Не знаю, как объяснить это кому-нибудь. И сейчас я этого не хочу. Сейчас я просто хочу обнять ее. Быть с ней, даже если ее нет. Утешать ее, хотя она этого не почувствует.

Провожу большим пальцем по костяшкам пальцев Агонии, ее кровь смешивается с моей. Я все еще не открыл глаза, не думаю, что смогу. Я не хочу видеть ее такой. Потому что это сделало бы смерть Агонии реальной. И я не хочу, чтобы это было правдой.

Люди говорят, что самоубийство — это трусливый шаг, но большинство из них никогда не знают истинных причин такого ужасного поступка. Они знают только мелкие детали, которые никогда не раскрывают главную причину. Они слепы, иногда потому, что совсем не обращали на это внимания, или потому, что им было все равно.

Мне было не все равно. Я видел ее битву, во всяком случае, часть ее. Может быть, я недостаточно убедительно говорил, что готов спасти Агонию. Или, может быть, она не думала, что я говорю серьезно. Какова бы ни была причина, Агония чувствовала, что ее единственное спасение — это уход из жизни.

Я держу свои пальцы переплетенными с пальцами Агонии и начинаю освобождать другую руку. Не могу предвидеть, что случится, когда уйду отсюда, но мне больно знать, что я оставляю ее здесь и, что еще хуже, в таком состоянии.

Через пять мучительных минут моя рука свободна. Но опять же, я просто остаюсь лежать. Не желая двигаться. Не желая уходить.

У Агонии не было никого, кроме нее самой. Как я могу оставить ее? Как могу просто уйти отсюда к людям, которых я узнал и полюбил, зная, что она останется одна, и никто не сможет забрать ее? Некому ее похоронить.

Я не могу оставить ее.

Я не хочу оставлять ее.

Никто даже не узнает, что я ушел, потому что никто не знает, что я здесь. Ни Кевин, ни тетя, ни кузен. Никто. Кроме девушки, лежащей на мне, безжизненно.

Мертвая!

Это уже второй раз, когда кто-то, о ком я заботился, заканчивает свою жизнь! Боль от потери Агонии возвращает боль от потери моих родителей, и я не могу этого вынести. Не могу дышать.

Я не смогу сделать это снова. Не смогу снова пережить эту боль и выйти из нее невредимым. Я сажусь и заставляю себя открыть глаза.

— Господи. Агония! — шепчу я. Грудь разрывается от боли, и мне кажется, что мое сердце режут снова и снова. Наклоняюсь вперед и кладу голову ей на плечо. Плевать я хотел на недостающие части. Потому что, хотя она уже не целая, она все еще прекрасна.

Агония этого не заслужила. Лора — да. К сожалению, они были одним целым. Как и сказала Лора, одной плотью.

— Черт. Черт. ЧЕРТ! — кричу я, чувствуя себя побежденным.

Этого не может быть. Только не снова. Мои руки блуждают по кровати, пока не находят то, что я ищу. Я проходил по этой дороге, и она ужасна. Нет конца, вы просто продолжаете бродить, пока не умрете. И я устал ждать смерти на этом пути.

— Я не могу сделать это снова, — шепчу я. Не смогу спасти последние оставшиеся кусочки себя. Я так и не смог полностью пережить смерть родителей. Но самоубийство Агонии стало последней каплей.

Никто не узнает. Потому что никто не знает, где я. Никто не будет переживать, потому что у меня никого нет, а те, кто есть, отделились. Так что они ничего не узнают. Им все равно.

— Я иду. — Подношу пистолет к голове и дергаю...

Эпилог

Год спустя...

Монте

Звук выстрела снова будит меня. Лицо Агонии — мой повторяющийся кошмар. Я вижу его каждую секунду каждого дня. Вижу его, когда закрываю глаза. С каждым вздохом, с каждым ударом моего сердца. Оно со мной.

Преследует меня. Все еще мучает меня.

Я слышу, как она зовет меня по имени, а когда ищу, никого не нахожу. И мое сердце снова разрывается. В воздухе до сих пор витает запах лаванды и мяты. Она везде и нигде.

Каждый день — это борьба за дыхание. Жизнь. Меня преследуют призраки. И это больно.

— Монте, прими свои лекарства. Ты задерживаешь очередь, — говорит медсестра. Я смотрю на знакомое лицо, которое вижу последний год. Я не удосужился узнать ее имя, потому что какой в этом смысл. Какой смысл знакомиться с кем-то, когда его просто отнимут у тебя?

Беру крошечный пластиковый стаканчик и достаю из него две белые таблетки. Кладу их в рот и глотаю. Я киваю медсестре и направляюсь в свой угол. Я сижу там каждый день. Ожидая увидеть, как она входит через двери. Но она не приходит. И никогда не придет.

Тот день, день, когда Агония покончила с собой, играет на повторе, пока я незаметно раскачиваюсь взад-вперед. Как обычно.

БАХ!

Потом тяжесть ее безжизненного тела душит меня. Звон в ушах продолжает оглушать меня. Запах крови и мозгового вещества наполняет мой нос. Я закрываю глаза, пытаюсь остановить это, но вот она. Стоит передо мной. Выглядит так же прекрасно, как и всегда.

В тот день я не слышал никакого шума за пределами ее комнаты. Я не слышал ничего, кроме громкого выстрела и постоянного звона.

В тот день я хотел покончить с собой. Чтобы остановить боль, которая охватила меня. Но полиция остановила меня прежде, чем я успел закончить работу. Очевидно, моим спасением стал не мой похотливый сосед по комнате, а колледж. Если вы пропускаете слишком много дней, они посылают охранника и полицейского, чтобы проверить вас. Думаю, они появились, когда Агония застрелилась. Я не знаю.

После того, как вырвали пистолет из моих пальцев и оторвали ее от меня, они отвезли меня в центр города и допрашивали четыре дня. Я ходил на судебные слушания и судебные процессы. Наконец, после нескольких месяцев преследований и жестоких напоминаний о

том, через что Агония прошла, присяжные решили, что я сошел с ума. Потому что мужчина моего телосложения должен был уметь защититься от такой маленькой девушки, как Агония.

Так что я согласился с ними. Потому что мне надоело слушать одно и то же дерьмо снова и снова. Я устал снова и снова переживать тот день и рассказывать одну и ту же историю. Теперь я здесь, живу в лечебном учреждении, каждый день накачиваюсь транквилизаторами в жалкой попытке заглушить звуки того дня. Ее последние слова пронзили меня, как только что заточенный нож.

«Ты не можешь спасти меня, Монте. Я умерла давным-давно».

Я вытираю лицо рукавом. Это должен был быть я, а не она. Если бы я мог вернуться, я бы сделал больше, чтобы спасти ее. Но что сделано, то сделано.

«Монте», — Я слышу ее шепот.

Поднимаю глаза и вижу Агонию, стоящую в коридоре, ведущем в мою комнату. Я быстро встаю, опрокидывая стул на пол. Грохот привлекает внимание персонала, но я не обращаю на них внимания. Она здесь. Наконец-то она здесь. Пробираюсь сквозь толпу людей и толкаю двери коридора как раз вовремя, чтобы увидеть, как Агония проскользнула в мою комнату.

— Монте, сейчас время прогулки. У тебя еще есть тридцать минут, прежде чем ты сможешь пойти в свою комнату.

Я игнорирую медсестру и бегу в свою комнату. Слышу, как мне кричат вслед, преследуя по коридору.

— На этот раз я должен спасти ее, — кричу я.

Когда добираюсь до своей комнаты, дверь заперта. Я смотрю в маленькое стеклянное окошко, Агония стоит на подоконнике, ее платье свободно развеивается на ветру.

— Нет! Не делай этого! — Дергаю ручку и толкаю дверь плечом, пытаюсь ее открыть. — Агония, пожалуйста, — кричу я.

Две новые медсестры дневной смены толпятся вокруг меня и пытаются оттащить, но я вырываюсь и продолжаю биться о дверь.

— Она не открывается! Кто-нибудь, откройте эту чертову дверь! — кричу я. — Я должен спасти ее, черт возьми!

Санитар хватает меня за руки. Я поворачиваюсь и изо всех сил ударяю его в челюсть, заставляя упасть на пол. Другие медсестры ахают и отступают. Я толкаюсь в дверь еще раз, и замок раскалывается в щепки.

Бросаюсь к окну, но Агонии там уже нет. Мое сердце бешено колотится, когда я готовлюсь выглянуть в окно. Хватаюсь за выступ и смотрю вниз, а там она. Лежит на земле. Кровь сочится из ее головы.

Падаю на колени. Я никогда не смогу спасти ее. Я всегда опаздываю.

Чувствую на себе чьи-то руки. Но не вижу, кто ко мне прикасается. Все, что я вижу, — это Агония. Каждый раз, когда я ее вижу, все заканчивается вот так. Каждый. Чертов. Раз.

— Я не могу спасти ее, — шепчу, ощущая укол в руку. Мое дыхание замедляется, и тело начинает расслабляться. Я смотрю на медсестру, которая только что воткнула мне в руку иглу.

— Монте, милый, ее здесь нет. Агонии здесь никогда не было. Она умерла год назад. — Я вижу жалость в ее глазах. Ее слова убивают меня. Как и всегда.

— Я просто хочу спасти ее, — шепчу я, мои слова путаются, когда успокаивающее

начинает действовать. — Спасти... ее.

Потом все погружается во тьму.

Notes

[

←1

]

Buona scelta (с итал.) — Хороший выбор.